

Алистер Кроули

Сборник рассказов

ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ

Пассажиры спустились на раскаленный песок платформы. Это была станция пересадки – из тех, что на много миль далеки от города, а окрестности которых сулят еще меньше, чем на обычной карантинной станции.

Первым из поезда вышел человек, в котором безошибочно можно было узнать англичанина. Вытаскивая багаж из вагона с помощью спутника, он не переставал сетовать:

– Положительно позор для цивилизации, что нет прямого поезда на такой станции, как эта, важной станции, сэр, я бы даже сказал, сердцевине – если мне позволена будет метафора – ветки, что обслуживает весь Макшир к югу от Трима. А нам еще ждать по меньшей мере час, и, одному Богу известно, вдруг все два, а то и три. И, конечно, бара ближе, чем в Фетломе, не найдешь, а если мы туда и доберемся, там не окажется приличного виски. Говорю вам, сэр, это настоящий позор для железных дорог, которые устраивают такое, для страны, которая этого не пресекает, для цивилизации, которая подобное позволяет. То же самое случилось здесь со мной в прошлом году – хотя, к счастью, ждать пришлось всего полчаса. Но я написал в «Таймс» решительное письмо на полколонки, и будь я проклят, если его напечатали. Конечно, наша так называемая независимая пресса, я мог бы и сразу догадаться. Уверяю вас, сэр, этой страной управляет грязная банда евреев, шотландцев, ирландцев, валлийцев – а где же старые добрые чистокровные англичане? Они страдают, сэр, страдают.

Поезд конвульсивно дернулся назад и прогрохотал, дразня одинокого носильщика, а тот безразлично наблюдал, как, словно камни из вулкана, из багажного вагона вылетают два чемодана, а затем, чуть обождав, поплелся с перекошенной физиономией к обеду, ожидавшему его в одиноком коттедже в трех сотнях ярдов от платформы.

Полной противоположностью англичанину с белесым усатым лицом, глубокими красными морщинами на шее и на лбу, изрядным животом и солидным багажом, был маленький, суетливый козлобородый коротышка, которого судьба сначала забросила в то же купе, а затем вынудила провести час на платформе вдали от других пассажиров.

У него были поразительно черные и яростные глаза, седая борода, морщинистое и явно обожженное тропическим солнцем лицо; но на лице этом отражались ум, сила и изобретательность, свидетельствующие, что он мог бы стать идеальным товарищем в обреченном на гибель подразделении, обороняющем безнадежную деревню. На тыльной стороне его руки виднелся глубокий широкий шрам. Одет он, тем не менее, был опрятно и строго, и это обстоятельство, хотя английский его был правильнее, чем у компаньона, заставило последнего заподозрить в нем француза. Несмотря на качество его платья и достойные манеры, собеседнику внушал беспокойство мрачный блеск черных глаз, горевших под косматыми бровями. С таким лучше не ссориться, думал он. Опытный путешественник – Булонь, Дьепп, Париж, Швейцария и даже Венеция – он не отличался ограниченностью, которую некоторые иностранцы находят у англичан, и приложил немало усилий, чтобы затеять во время путешествия беседу. Коротышка же оказался скверным товарищем, – все время молчал, предпочитая обходиться без слов, когда требования вежливости удовлетворял простой кивок, и явно предпочитал свою трубку соседу. Человек с тайной, подумал англичанин.

Поезд, громяхая, отошел от платформы, и носильщик скрылся из виду.

– Пустынное местечко, – заметил англичанин, чье имя было Бивен, – особенно в такую жуткую жару. Даже летом 1911 года было не так скверно. Помню как-то раз в Булони...

Ему пришлось умолкнуть на полуслове, ибо загорелый человечек, беспрестанно втыкавший трость в песок и хмуривший брови, вдруг встрепенулся.

– Да что вы знаете о жаре? – вскричал он, пронзив Бивена демоническим взором. – Что вы знаете о запустении? – Ошеломленный Бивен не знал, что и ответить. – А что, если я вам расскажу свою историю? Ведь, кроме нас, здесь никого, – он злобно взглянул на Бивена, словно проникая в самую его душу. – Вам можно доверять? – выкрикнул он и застыл, ожидая ответа.

При других обстоятельствах Бивен наверняка бы не согласился стать конфиденнтом незнакомца, но теперь одиночество, жара и навеянная прежним поведением компаньона скука, а также некоторая неуверенность в том, как тот воспримет отказ, заставили его выжать положительный ответ.

Величественный, точно дуб, Бивен произнес:

– Я рожден английским джентльменом, и полагаю, не поставил под сомнение свое достоинство. Я – мировой судья, – добавил он после короткой паузы.

– Так я и знал! – восторженно воскликнул его спутник. – Только человек, сведущий в законах, сможет оценить мою историю. Тогда поклянитесь, – продолжал он с внезапным нажимом, – поклянитесь, что ни одна живая душа не узнает ни единого слова из того, что я вам расскажу. Поклянитесь душой вашей покойной матери.

– Моя мать жива, – отвечал Бивен.

– Так я и знал! – воскликнул его компаньон, и странное выражение божественной жалости осветило его загорелое лицо. Такое выражение можно заметить на многих статуях Будды: выражение небесного, всеобъемлющего сострадания.

– Тогда поклянитесь именем лорда-канцлера.

Бивен окончательно убедился, что незнакомец – иностранец. И все же с готовностью дал требуемую клятву.

– Моя фамилия, – сказал тот, – Дюгесклен. – Сообщает ли она вам мою историю? – спросил он многозначительно. – Приходит вам что-то на ум?

– Ровным счетом ничего.

– Так я и знал! – откликнулся человек из тропиков. – Придется рассказать вам все. В моих жилах течет кровь величайших французских воинов, а моя мать – прямой потомок Сарагосской Девы.

Бивен был поражен, и не скрыл этого.

– После осады, сэ, она достойно вышла замуж за дворянина, – сверкнул глазами Дюгесклен. – Вы полагаете, человек моего происхождения позволит незнакомцу бросить тень на память моей прапрабабки?

Англичанин запротестовал, объясняя, что не было ничего дальше от его намерений.

– Я так и думал, – продолжал его собеседник спокойнее. – Тем более что я был осужден за убийство.

Бивен в ужасе встрепенулся.

– Я горжусь этим, – продолжал Дюгесклен. – Когда мне было двадцать пять, моя кровь кипела еще пуще, чем сейчас. Я женился. Четыре года спустя я застал жену в объятьях соседа. Я убил его. Я убил ее. Я убил троих наших детей, ибо гадюка способна породить только гадюк. Я убил слуг: они были соучастниками адюльтера, а если и нет, все равно им не пристало видеть позор хозяина. Я убил жандармов, которые пришли меня забрать – жалких наймитов коррумпированной республики. Я поджег свой замок в надежде погибнуть в его руинах. Увы, кусок каменной кладки, падая, ударил меня по руке. Ружье выпало. Пожарные заметили меня и спасли. Я обязан жить, и мой долг перед предками продолжать род, единственным отпрыском которого я являюсь. В поисках супруги я и путешествую по Англии.

Он замолчал и горделиво оглядел окрестности Селкирка. Бивен не решился прокомментировать удивительный рассказ француза. Он лишь заметил:

– Так вам не отрубили голову?

– Нет, сэ, – откликнулся тот упоенно. – В то время смертная казнь во Франции не применялась, хотя и не была отменена официально. Могу отметить, – сообщил он с

гордостью законодателя, – что мои деяния прибавили аргументов пропагандистам, которые добились ее восстановления.

Нет, сэр, мне не отрубили голову. Я был приговорен к пожизненному заключению на Дьявольском острове. – Он вздрогнул. – Можете ли вы вообразить этот проклятый остров? Можете представить себе хоть малую толику его ужасов? Да самый страшный кошмар не сравнится с этой преисподней, этим кругом ада для обреченных. Я выражаюсь грубо, сэр, но нет слов, способных передать этот ад. Могу предложить вам описание. Песок, паразиты, крокодилы, ядовитые змеи, миазмы, москиты, лихорадка, грязь, непосильный труд, желтуха, малярия, голод, мерзкая растительность, грязные смертоносные болота, ужасные раздувшиеся ядовитые деревья, изначально отравленные почвой, на которой выросли, жара несносная, нестерпимая, немилосердная, невыносимая (как писала "Дейли Телеграф" во времена дела Дрейфуса), жара непрекращающаяся и удушающая, ни малейшего ветерка, только зловоние от лагуны, жара, превращающая кожу во взволнованное море расчесов, на которые даже укусы москитов и сороконожек действуют как отдохновение, непрекращающаяся работа под палящим солнцем, избиения за малейшее нарушение суровых тюремных правил или даже правил вежливости по отношению к охранникам, людям, лишь чуть менее проклятым, чем мы, – это только самая малость. Единственное развлечение для повелителей подобных мест – жестокость; неудобства, которые они испытывают, сделали их изобретательнее всех испанских инквизиторов, арабов в религиозном помешательстве, бирманцев, качинов и шанов в их буддистской ненависти к человечеству, даже китайцев с их холодным пристрастием к зверствам. Губернатор был превосходным психологом; не было уголка ума, в который он не способен был заглянуть и изобрести для него пытку.

Помню, один из нас получал удовольствие, начищая свою лопату до блеска – было такое правило, что лопаты должны блестеть, само по себе пытка в месте, где плесень растет с той же скоростью, с которой в более удачном климате выпадает снег. И вот, сэр, губернатор выяснил, что этому человеку доставляет удовольствие блеск солнца на стали, и запретил ему чистить лопату. Пустяк, конечно. Но представьте, как заключенный реагирует на такие пустяки. Из-за этой мелочи человек обезумел от ярости. Он решил, что такая изысканная жестокость является последним доказательством исконной и неустранимой дьявольщины вселенной. Безумие – вот закономерное следствие такой убежденности. Нет, сэр, я вам все опишу.

Бивен подумал, что описаний и так более чем достаточно, его английская самоуверенность подсказывала, что Дюгесклен преувеличивает, и он все больше убеждался, что так оно и есть. Но лишь сказал, что все это, должно быть, ужасно. Сейчас он дорого бы отдал, чтобы избежать этого разговора. Не очень-то приятно сидеть на пустынной платформе с исповедующимся массовым убийцей, который, вероятно, сбежал из заключения благодаря череде новых преступлений.

– Но вы спрашиваете, – настаивал Дюгесклен, – вы спрашиваете, как я сбежал? Это, сэр, и есть та история, которую я собираюсь вам поведать. Мои предыдущие замечания были лишь вступлением, они неуместны и нелюбопытны, но необходимы, поскольку вы благосклонно проявили интерес к моей персоне, истории моей семьи – героической (скажу не тая), с одной стороны, и трагической (кто решится это отрицать?), с другой.

Бивен, не выразивший ни малейшего интереса ни к одной из этих материй, заключил, что его собеседник был столь же скверным психологом, как губернатор Дьявольского острова – хорошим.

– Итак, сэр, к моей истории! Заключенным было доступно одно удовольствие, удовольствие, которое можно отобрать только вместе с жизнью или со здравым рассудком, удовольствие, которое губернатор, разумеется, мог (и пытался) пресечь, но не способен был отобрать. Я имею в виду надежду – надежду на побег. Да, сэр, эта искра (единственная из всех древних огней) пылала в моем сердце и в сердцах моих собратьев-узников. И в этом я полагался не столько на себя, сколько на других. Я не награжден великим интеллектом, – отметил он скромно, – моя бабушка была чистокровной англичанкой, Хиггинботем, из

ворвикширских Хиггинботемов ("какое отношение это имеет к глупости?" – подумал Бивен), а большинство моих товарищей были людьми, не только лишенными интеллекта, но и необразованными. Одним потрясающим исключением был великий Доду – ха! вы поражены?

Бивен не выражал подобных чувств, продолжая демонстрировать сильнейшее безразличие к рассказу.

– Да, вы не ошиблись, это действительно был прославленный философ, открыватель додиума, редчайшего из элементов, который существует во вселенной в количестве одной тридцатипяти тысячной миллиграмма, причем только на звезде, называемой гамма Пегаса, это Доду расшатал логический процесс обверсии и свел квадрат оппозиций к состоянию британского каре в Абу Клеа.¹ Это вы все знаете, но, возможно, вам неизвестно, что, будучи гражданским лицом, он стал величайшим французским военным стратегом. Именно он, не выходя из кабинета, наметил диспозицию армий в Арденнах, а схема укреплений Люневиля в 1890 году обязана исключительно его гению. Из-за этого правительство неохотно решилось его осудить, хотя общественное мнение очень пристрастно отнеслось к его преступлению. Как вам известно, доказав, что женщины после пятидесяти лет являются лишним бременем для государства, он подкрепил свою убежденность, обезглавив и съев свою вдовую мать. Первоначально власти намеревались устроить ему побег по дороге и пользоваться его услугами, поселив под вымышленным именем в квартире в совершенно ином районе Парижа. Но вышло так, что правительство внезапно сдалось, соперник выдал его, и Доду пришлось отбывать наказание столь же суровое, как если бы он был самым обычным преступником.

Разумеется, именно такой человек был нужен мне для побега. Но, даже мучительно ломая голову, – моя бабушка была из ворвикширских Хиггинботемов, – я не смог придумать, как же вступить с ним в контакт. Но он, очевидно, сам прочитал мои мысли, ибо как-то раз, когда он уже месяц провел на острове (я к тому времени пробыл там целых семь), Доду споткнулся и упал, словно сраженный солнечным ударом, когда я оказался поблизости. Лежа на земле, он умудрился трижды ущипнуть меня за ногу. Я поймал его взгляд: скорее, это был намек, а не знак братства франкмасонов. Вы масон?

– Я – Прошлый Наместник² Великого Оруженосца области, – отвечал Бивен. – Я основал ложу 14,883 «Бозтик» и ложу 17,212 «Коленсо». Также я – Прошлый Главный Аггей в Великом Областном Отделении.

– Так я и знал! – восторженно воскликнул Дюгесклен.

Бивену все меньше нравился разговор. Этому человеку известно слишком много. Знает, что он мировой судья, что его мать жива, а теперь и его масонские титулы. Он все меньше доверял французам. Может быть, вся эта история – лишь предлог, чтобы попросить взаймы? Незнакомец выглядел солидно и у него был билет первого класса. Скорее, похож на шантажиста; возможно, он знает и другие вещи – тот случай в Оксфорде, например, или происшествие на Эджвер-роуд, или историю с Эми Холланд. Бивен решил держаться настороже.

– Вы понимаете, с какой радостью, – продолжал Дюгесклен, не подозревавший о мрачных мыслях, терзавших его компаньона или не обращавший на них внимания, – я принял и откликнулся на это бесспорное предложение дружбы. В тот день другой возможности пообщаться не представилось, но я внимательно следил за ним на следующее утро и заметил, что он странно приволакивает ногу. Ха! – подумал я, – длинный шаг для

¹ британского каре в Абу Клеа – в битве при Абу Клеа (Судан) 17 января 1885 года британские войска под командованием генерала Г. Стюарта понесли тяжелые потери – 170 человек убитыми.

² Я – Прошлый Наместник... – Прошлый – почетное звание, присваиваемое какой-либо Великой масонской организацией. Многие знаменитые масоны были награждены этим титулом организациями вне юрисдикций, к которым они принадлежали.

тире, короткий – для точки. Я с легкостью начал ему подражать, передав букву А азбукой Морзе. Его напряженный ум мгновенно разгадал мой сигнал, он изменил свой код (первоначально иного рода) и ответил буквой В по моей системе. Я ответил – С, он вернул D. С этого момента мы могли разговаривать свободно, словно оказались на террасе "Кафе де ля Пэ" в нашем любимом Париже. Однако разговор при таких обстоятельствах – долгое дело. Пока мы маршировали к месту работы, он смог сказать только: "Скоро побег – Боже помоги". До своего преступления он был атеистом. Я с радостью узнал, что наказание заставило его раскаяться.

Бивен тоже испытал облегчение. Он старательно убеждал себя, что французского масона не существует: и то, что тот покаялся, наполнило его чувством почти личного триумфа. Он почувствовал симпатию к Дюгесклену, поверил ему. Если вездесущий за его ужасный проступок было достаточным и даже чрезмерным, так ведь это француз! Так принято у французов! Но, в конце концов, французы тоже люди. Бивен почувствовал прилив благодушия, вспомнив, что он не просто человек, но и христианин. Он обязан утешить незнакомца.

– Ваша история меня очень заинтересовала, – сказал он. – Я глубоко вам симпатизирую в ваших проступках и страданиях. Я искренне рад, что вам удалось сбежать и прошу вас продолжать рассказ о ваших приключениях.

Дюгесклен и не нуждался в поощрении. Его поведение изменилось, от прежней апатичной усталости не осталось и следа, он был оживленным, блестящим, яростным, его увлек страстный восторг воспоминаний.

– На второй день Доду смог объясниться. "Если мы сбежим, то только за счет военной хитрости, – просигналил он. Это было очевидное соображение, но у Доду не было оснований высоко оценивать мой интеллект. – Благодаря военной хитрости", – повторил он с нажимом.

"У меня есть план, – продолжал он, – Нам понадобится двадцать три дня на обсуждение, если нам не помешают, от трех до четырех месяцев на подготовку, два часа восемь минут на осуществление. Теоретически можно бежать по воздуху, по воде и по суше. Но поскольку за нами следят днем и ночью, бессмысленно пытаться вырыть туннель на материк, у нас нет ни аэропланов, ни воздушных шаров, ни возможности их изготовить. Но если нам удастся добраться до воды (что мы можем сделать, отправившись в любую сторону, главное идти прямо), если мы найдем неохраняемую лодку, если нас не заметят, тогда нам придется пересечь море и либо найти место, где нас никто не знает, либо изменить внешность и лодку и вернуться на Дьявольский остров под видом моряков, потерпевших кораблекрушение. Последняя идея выглядит глупо. Вы скажете, что губернатор знает, что Доду не пойдет на такую глупость, но, более того, он знает и то, что Доду не такой дурак, чтобы не попытаться использовать это обстоятельство, и он прав, будь он проклят!

Какая сила чувств нужна, чтобы ругаться азбукой Морзе при помощи одной ноги – ах! так сильно мы ненавидели губернатора.

Доду пояснил, что излагает все эти очевидные соображения по нескольким причинам: 1) испытать мой интеллект, 2) убедиться, что если мы провалим дело, виной тому будет моя тупость, а не то, что он поленился объяснить детали, 3) потому что у него выработалась преподавательская привычка, как у других развивается подагра.

Короче говоря, его план был таков: обмануть охранников, добраться до берега, захватить лодку и выйти в море. Вы понимаете? Вы уловили суть?

Бивен отвечал, что, на его взгляд, это единственно возможный план.

– Такой человек, как Доду, – продолжал Дюгесклен, – ничего не оставляет на произвол судьбы. Он принял все мыслимые предосторожности, а если в его планах и был предусмотрен случай, то значение этого случая вычислялось с точностью до двадцать восьмого знака.

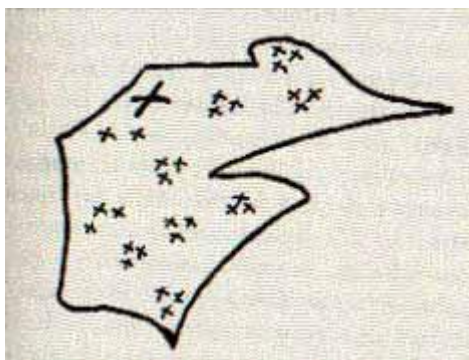
Но он не успел довести все детали своего плана до такого совершенства, ибо нам помешали. На четвертый день нашего общения он просигналил лишь: "Жди. Следи за мной!" и так несколько раз.

Вечером ему удалось встать в самый конец строя узников, и лишь тогда он передал мне ногой: "Здесь есть предатель, шпион. Теперь мне придется найти новый способ передачи плана. Я все обдумал. Я буду передавать своего рода ребус, который даже ты не сможешь понять, пока не соберешь все его части и не получишь ключ. Ты должен в точности запомнить каждое мое слово".

На следующий день: "Помнишь ли ты, как пруссаки захватили старую мельницу в 1870? Сложность в том, что я должен передать тебе эскиз головоломки, и это невозможно сделать словами. Но смотри на след моей лопаты и каблуков и скопируй рисунок".

Я сделал это с максимальной тщательностью и получил вот такую фигуру. Когда меня будут вскрывать после смерти, – заметил Дюгесклен драматично, – обнаружат, что она вырезана у меня на сердце.

Он извлек из кармана блокнот и быстро набросал фигуру для заинтересованного Бивена:

Обратите внимание: у нее восемь сторон, а двадцать семь крестов расположены в группы по три, в то время как в одном углу находятся крест больше и жирнее и два маленьких, не столь симметричных креста. Эта группа изображает элемент случая, и вы двинетесь в верном направлении, если заметите, что восемь – это два в кубе, а двадцать семь – три в кубе.

На лице Бивена отразилась работа мысли.

– Во время обратного марша, – продолжал Дюгесклен, – Доду передал: "Шпион не дремлет. Но сосчитайте количество букв в имени любимого ученика Аристотеля". Я догадался, что он на самом деле имеет в виду не Аристотеля. Он хотел сказать Платона, и, стало быть, Сократа; я сосчитал: А-Л-К-И-В-И-А-Д = 8, и таким образом в тот день совершенно сбил с толку соглядатая. На следующий день он выступал с большим нажимом "Раху",³ имея в виду, что следующее лунное затмение будет подходящим моментом для нашего предприятия, и остаток дня мы провели в светской болтовне, чтобы затмить подозрения шпиона. Следующие три дня он ничего не мог сообщить, так как слег в больницу с температурой. На четвертый день: "Я выяснил, что шпион – мерзкая свинья, лейтенант из Тулона, куритель опиума. Теперь он у нас в руках: он не знает Парижа. Проведите линию от Восточного вокзала к площади Этуаль и возведите на ней равносторонний треугольник. Подумайте об имени всемирно известного человека, живущего на его вершине. – (Это была выдумка супергения, поскольку в основу шифра мне пришлось положить английский алфавит, а шпион знал только собственный, ну разве что чуточку швейцарский). – С этого момента я буду передавать сообщения шифром в точном нумерологическом соответствии, и ключом будет его имя".

Только моя несравненно сильная натура позволила расшифровывать его сообщения вдобавок к работе, которой меня заставляло заниматься начальство. Точно запомнить получасовое зашифрованное сообщение – несомненный подвиг памяти, особенно если учесть, что зашифрованное сообщение само по себе изложено с невнятным символизмом. Шпион

³ Раху – в древнеиндийской мифологии – демон, считавшийся также планетой, вызывающей солнечные и лунные затмения.

решил бы, что тронулся рассудком, если бы смог прочесть иероглифы, которые были лишь деталями головоломки, созданной гениальным умом. Например, я получал такое сообщение: owhmomdvvtxskzvgeqcxzllhtrejrjrgscpxjrmssggausrgwhbdxzldabe, которое при дешифровке (и шпиону приходилось скрежетать зубами всякий раз, когда Доду передавал букву w) означало всего лишь: "Персики 1761 года сияют в садах Версаля".

Или вот: "Охота, Папа Римский в тюрьме; Помпадур; Олень и Крест". "Люди четвертого сентября, их предводитель смущен письмами Жертвы Восьмого Термидора⁴". "Крийону⁵ в тот день не повезло, хотя он был необычайно храбр".

Таковыми были указания, из которых я сложил по кусочкам план нашего побега!

Скорее по наитию, нежели благодаря работе ума, я выяснил из пары сотен таких ключей, что охранники Бертран, Роллан и Моне подкуплены, и им обещано повышение и перевод с Дьявольского острова, если они помогут нам бежать. Судя по всему, правительство нуждалось в своем главном стратеге. Затмение предстояло через десять недель и не нуждалось ни во взятке, ни в обещаниях. Самым сложным было обеспечить, чтобы Бертран стоял на страже в нашем коридоре, Роллан у ограды, а Моне на заставе. Шансы такой комбинации в день затмения были бесконечно малы: 99,487,306,294,236,873,389 к одному.

Было бы безумием полагаться на удачу в таком важном деле. Доду решил подкупить самого губернатора. К сожалению, это было невозможно, поскольку а) напрямую встретиться с губернатором было немыслимо, даже с помощью подкупленных охранников, б) проступок, за который ему достался этот пост, не могло простить ни одно правительство. На самом деле, он был таким же узником, как мы сами; в) он был человеком с большим состоянием и твердой карьерой и безупречно честным.

Я не могу сейчас вдаваться в его историю: несомненно, вы и так ее знаете. Скажу только, что она была такого свойства, что эти факты (столь любопытно противоречивые, на первый взгляд) прекрасно сочетались. Между тем, уверенность, потрясавшая в посланиях Доду "Собирайте виноград в Бургундии, готовьте бочки в Коньяке, ха!", "ореховое суфле поджидает нас на Сене!" и тому подобных, демонстрировала, что его гигантский мозг не только изучил проблему, но и решил ее к нашему удовлетворению. План был безупречен: в день побега трое охранников будут дежурить на воротах, Доду разорвет свою одежду, свяжет Бертрана и вставит ему в рот кляп, а потом придет и освободит меня. Вместе мы набросимся на Роллана, заберем его форму и ружье и оставим его связанным. Затем мы должны добежать до берега, сделать то же самое с Моне, переодеться, взять лодку ловца осьминогов, отправиться в гавань и от имени губернатора потребовать его паровую яхту, чтобы догнать сбежавшего заключенного. Затем мы должны приплыть в район, где много кораблей, поджечь яхту, так, чтобы нас «спасли» и отправили в Англию, а там уже договориться с французским правительством о реабилитации.

Таков был простой и в то же время искусный план Доду. Все шло превосходно – до одного рокового дня.

Шпион, больной желтой лихорадкой, неожиданно упал замертво в поле незадолго до отбоя. Внезапно, не раздумывая ни минуты, Доду подбежал ко мне и сказал, рискуя быть высеченным: "Весь план, который я передавал вам шифром эти четыре месяца – обман. Шпион все знал. Теперь его уста закрыты навек. У меня есть другой план, настоящий, проще и надежней. Завтра утром я вам расскажу".

Свисток приближающегося поезда прервал рассказ Дюгесклена в самый драматический

⁴ Жертва Восьмого Термидора – 8 термидора II революционного года Робеспьер выступил с речью в Конвенте, 9 был арестован и 10 термидора казнен.

⁵ Крийону в этот день не повезло – Луи Крийон (1541–1615) – капитан французской армии, отличившийся во многих сражениях.

момент.

"Да, – сказал Доду (продолжал рассказчик), – у меня есть план получше. Я придумал военную хитрость. Завтра утром я вам расскажу".

Поезд, который должен был отвезти рассказчика и его слушателя в Мадчестер, появился за поворотом.

– Это утро, – мрачно произнес Дюгесклен, – это утро так и не наступило. То же самое солнце, что убило шпиона, уничтожило великий мозг Доду, в тот самый день они бросили болтливую маньяка в психиатрическую палату, и он уже не вышел оттуда.

Поезд подъехал к платформе маленькой станции. Дюгесклен почти шипел в лицо Бивену.

– Это был вовсе не Доду, – выкрикнул он, – это был обычный уголовник, эпилептик, его вообще по ошибке послали на Дьявольский остров. Он был давно безумен. В его посланиях не было никакого смысла, это был жестокий розыгрыш!

– Но как же, – спросил Бивен, забираясь в вагон и оглядываясь, – как же вам удалось сбежать?

– Благодаря военной хитрости, – ответил ирландец и вскочил в другое купе.

Перевод Д. Волчека

Рассказ впервые опубликован в сборнике Кроули "Военная хитрость" (The Stratagem, Mandrake Press, 1929)

ФЛОТСКИЕ НУЖДЫ

В комнате было сладко и душно от запаха запретных поцелуев; легкий влажный аромат пота парил в сумерках, слышно было дыхание, которое не осмеливалось звучать,⁶ вздохи, приглушенные страхом. Голова гардемарина тихо повернулась, язык томно потянулся к губам лейтенанта. Шум в соседней комнате; оба страшно задрожали, спрыгнули с дивана, на котором лежали, поспешно уничтожили следы беспорядка, учиненного их страстью. Гардемарин взял руку любовника, поднес к губам, крепко укусил с внезапным безумным желанием и прошептал голосом, дрожащим от неудовлетворенной похоти: "О Боже! Боже! Теперь я тебя люблю!" Он выскользнул в дверь и оставил Эндрю Клейтона наедине со сладкими воспоминаниями и беспокойными размышлениями о будущем. Ведь Монти ле В. никогда прежде не дарил ему свою любовь. Монти был смуглым, томноглазым, с черными, как смоль, волосами: вокруг него царил та неопределимая атмосфера, которую сразу распознают извращенцы, – общество, скрепленное узами, что теснее масонских. Он пробыл на борту "Осириса"⁷ всего лишь неделю, когда капитан предложил ему высокое положение, вызывающее зависть других мальчишек, сражавшихся за честь быть избранным главным катамитом. Яростная битва ревнивых красавчиков закончилась тем, что они так возбудились из-за пролитой крови и сильной боли, что свидетели были шокированы зрелищем импровизированной оргии, столь же пылкой, какой только что была драка. Мальчишки быстро помирились, а Монти стал первым фаворитом капитана и тиранил его с силой, прежде

⁶ дыхание, которое не осмеливалось звучать – намек на слова Оскара Уайльда о "любви, которая не осмеливается назвать свое имя".

⁷ на борту «Осириса» – Кроули плыл в Европу из Египта на этом корабле в апреле 1904 г., после получения "Книги Закона". Среди пассажиров была глава Теософского общества Анни Бизант. Кроули и Бизант обсуждали немало священных тем, но не новое откровение Закона Телемы (прим. републикатора Мартина Старра).

неслыханной в требовательной взаимности *affaire d'amour*.⁸ Капитан же, со своей стороны, требовал только лишь верности, и действительно Монти полюбил его столь сильно, что даже намек на измену был немислим. Но, между тем, однажды он испытал неукротимое желание к самому популярному из лейтенантов, Эндрю Клейтону, человеку диких страстей, которые трудно заподозрить, глядя на белокурые волосы и робкие серые глаза. Эндрю, заметивший лукавые взгляды гардемарина, однажды зашел в его каюту, молча подошел к нему и страстно поцеловал, в то время как его рука пыталась пробудить желание еще более прямолинейным способом. Но мимолетное увлечение мальчишки прошло, и в тот раз он грубо отверг притязания будущего любовника. Эндрю, взяв себя в руки, молча ретировался. На следующий день, тем не менее, их обоих вызвал капитан, прочел длинную лекцию о грехе педерасти и жестоко наказал. Ясно было, что капитан Спелтон не жаждет, чтобы ему наставили рога, и намерен быть настороже. Монти в своей невинности был страшно разгневан и, разумеется, решил изменить капитану при первой возможности. Во время молитвы тем же вечером он исхитрился прошептать: "Ты должен взять меня, если ты еще...", и немедленный результат этих слов изрядно смутил Эндрю. Но все их попытки встретиться и сорвать поцелуй всякий раз расстраивались словно бы случайно, хотя теперь-то они знали, что это делается нарочно. Эндрю решил, наконец, выбрать другого гардемарина и сделать вид, что пылает к нему страстью, дабы успокоить подозрения. Ревность Монти отвергла эту идею, и прошло немало времени, прежде чем он согласился. «Кэти» Эмброуз, выбранный для этой цели, был грязным мальчишкой самого порочного типа. Его любимой публичной забавой было лежать на спине и пытаться поймать ртом и проглотить собственные выделения; к тому же он порочил свое звание, облизывая гениталии и ноги самых грязных матросов и кочегаров на корабле. Он только рад был возможности повисить положение в обществе, когда Эндрю подступил к нему с прелюдией любви. Монти сам одобрил этот выбор, убежденный, что Эндрю никогда не влюбится в столь порочного мальчишку. Но то, что он увидел три недели спустя, разубедило его. И вот каким образом.

Как-то ночью неугомонный капитан предложил прогуляться, и любовники тихо выскользнули из каюты. Вскоре они добрались до места, где скрывались Эндрю и Эмброуз, и тут им повезло: они застали первого в момент осквернения самого священного алтаря, в то время как мальчишка, полуобернувшись, нежно жевал и облизывал подмышку потеющего лейтенанта. Пальцем свободной руки он пытался проникнуть в святилище компаньона, в то время как другую ласкал собственные гениталии в унисон с движениями любовника. Акт был завершен: тяжело дыша и постанывая, они утонули в постели, бездыханные. Языки лениво переплетались; старший медленно извлек: прелестный звук сопровождал его выход. Небольшая передышка, и мальчишка дал любовнику сигнал. Тот повернулся, Эмброуз поднялся, уселся на него, и сладко-соленое приношение, пахнущее теперь божеством, которому оно предназначалось, хлынуло в раскрытый рот изнемогшего мужчины. Затем мальчишка скользнул вниз в объятия любовника: они смаковали фимиам сплетенными языками, пока аромат не угас, и, наконец, проглотили, предвещая порыв вновь проснувшегося желания. Кэти нетерпеливо развернулся, приготовившись к новым объятьям, но тут Монти прошептал капитану: "Дорогой, я не могу больше этого вынести, пойдем прочь!" Этой ночью они вовсе не спали, но я не слышал, чтобы они сожалели об этом. Но Монти был чудовищно возмущен поведением Эндрю, и когда малыш Эмброуз ударил Монти (который с наивным красноречием обозвал его говнососом), последний сбил его с ног и поколотил. Лейтенанту, оказавшемуся поблизости, пришлось вмешаться, и смуглый томный мальчик был наказан. Эта злая месть (так он ее воспринял) разозлила Монти еще больше, и в результате он вообще перестал разговаривать с Эндрю.

Был вечер большой пирушки на берегу, и Монти ле В. зашел в маленькую комнату рядом с бильярдной подождать капитана. Незамеченный Эндрю прокрался за ним и теперь

⁸ Любовной связи (фр.)

прятался за тяжелой шторой, скрывавшей дверь; он слушал, как мальчик что-то бормочет себе под нос, его голос заглушали лишь громкий хохот и ругательства, доносившиеся из бильярдной. Спелтон, очевидно, запаздывал, а желания Монти с каждой минутой все больше выходили из-под контроля. Наконец он спустил штаны и принялся забавляться в одиночестве, надеясь хоть отчасти избавиться от неудобства. В этот момент Эндрю выскользнул и прошептал: "Скажешь хоть слово, мы погибли. Твоя одежда..." Испуганный мальчик дернулся в ужасе. Он пребывал в страшной ярости, но не решился что-либо сказать, издать хоть малейший звук. Благодаря прошлой истории он знал, что капитан не поверит его рассказу. Похотливый лейтенант извлек свое оружие, распаленное и огромное, и начал искать вход. Мальчик сопротивлялся всею силою сфинктера. Но пара шлепков по копчику напомнили, что у него смелый любовник, который от своего не отступит, и, в конце концов, он сдался. Одним сильным ударом елда его любовника вошла во всю свою длину, и, привыкший к пенису капитана, мальчик с трудом сдержал крик боли. Насильник был многим длиннее и толще и вовсе не беспокоился о боли, которую мог причинить. И он метался, как безумный конь! Наконец, долгожданный оргазм. Лавина поцелуев хлынула на оливковую шею. И затем роскошное признание, с которого и началась история.

Оставшись один, Клейтон быстро изобрел двадцать три новых проклятия, назвал ле В. маленькой сучкой, поцеловал отметину от зубов маленькой сучки на своей руке, и, в конечном счете, повел себя, как подобает офицеру и джентльмену, продемонстрировав к тому же, что он верный христианин. Он предчувствовал беду, и та не заставила себя ждать. Через два дня Клейтону пришлось покинуть комнату любовника в великой спешке, поскольку слышны были приближавшиеся тяжелые шаги. Капитан был в ночной рубашке, под нею же в костюме, привычном в Аркадии. Быстро нырнув в постель, он обнаружил там жар и влажность, непредусмотренные погодой. "Я ждал тебя так долго, любовь моя, – вздохнул очаровательный гардемарин с редкой находчивостью, – что решил убить время". "Ну вот я и здесь", – отвечал его любовник, прикладывая губами к темному алтарю своего желания. Тот тоже был чрезмерно влажен, и дотошный язык капитана скоро распробовал его секреты и признал сильный горячий вкус недавнего подношения. "Завидую твоему развлечению, – заметил он с нежной иронией, – кажется, ты наконец преуспел в исполнении моего совета: пойти и трахнуть самого себя!" Он не произнес больше ни слова, но два дня спустя явился с острым ножом к обоим любовникам и сказал, что, по его мнению, их достижения уникальны, но противоестественны. Нож разрубил сразу два узла; капитан сообщил лорду Картингтону, когда они ужинали тет-а-тет на следующий день, что воистину нескончаемо разнообразие закусок, которые можно приготовить... из устриц.

А «Кэти» Эмброуз вырослел, прибавляя в уме и росте, в согласии с Богом и людьми.

Перевод Д. Волчека

ПОСЛЕ ГРЕХОПАДЕНИЯ

Страница из книги ангела-летописца

Адам спустился к Евфрату для утренней ловли ихтиозавра. Накануне ему не удалось поймать его на большую муху (крылья птеродактиля и ангельские перья); теперь он собирался немного порыбачить с искусственным дронтом, но вскоре вылез из воды, решив, что она безнадежно забита рыбой. Лучше б он оставался дома и был начеку, подстерегая Змея. Ибо вот что произошло в его отсутствие.

Ева закончила домашнюю работу, раскинулась на солнце, скинув сшитое на заказ платье с меховой оторочкой (фиговые листья днем теперь уже никто не носил, только с вечерним туалетом) и вспоминала забавы минувшей ночи. "Что за глупая штука у Адама, – размышляла она вслух, – как только мне становится хорошо, она сразу увядает и падает, и нужно десять минут, чтобы ей снова стало лучше. Я бы вполне могла провести всю ночь вот

так, без этих дурацких перерывов! А старый дурак сказал, что он от этого устает, и что сегодня не может копать, потому что болит спина, так что он пошел на рыбалку. На рыбалку! Устрою я ему рыбалку, когда он вернется. Сдается мне, он решил навестить эту львицу, которая и прежде ему нравилась. Правда, давеча она была с нами довольно груба, как и все прочие звери с тех пор, как мы съели это яблоко, из-за которого Господь Бог поднял такой шум. Змей, как всегда, ведет себя по-джентльменски, конечно. Говорит, что учился в той же средней школе, что и Господь Бог. Но манеры у него, тем не менее, куда лучше. Старый мерзавец! Говорить мне о труде, о работе и всей этой чепухе, – разве может воспитанный человек так разговаривать с дамой. Надеюсь, в следующий раз Господь оставит при себе свои непристойные шутки. И этот грубиян никогда не занимался любовью. Но я с ним как-нибудь развлекусь. Надеюсь, дырочку не будет жечь. Дрочка не помогает – ох! Лучше, когда я дрочу сильнее. Ну вот! Снова началось. На этот раз буду дрочить сильнее. Ах! Адам! Адам! – Ха! Я думала, что я с Адамом... Ох, как хорошо!" – И она прелестно ахнула.

– Простите за вторжение, герцогиня, умоляю, – произнес новый голос в учтиво-почтительной манере, присущей дипломатам, – но сегодня ведь третья среда, не так ли?

– Мой дорогой Князь, как хорошо, что вы пришли. Я как раз надеялась, что кто-то заглянет и подбодрит меня. Переезд меня так утомил.

– Ах! Герцогиня, вы прекрасней, чем всегда.

– Дурашка...

– Да, и заслуживаете мужа получше.

– Адам вполне хорош...

– Но он нездоров. Он простужен с тех пор, как покинул Эдем, здешний климат столь переменчив.

– Да, не очень-то он силен, бедняжка.

– Он быстро устает.

– Да, – со вздохом.

– Вижу, вы пытаетесь занять его место.

В течение разговора Ева так и не сменила позу, и ее влажные пальцы все еще играли среди золотистых волосков.

– Ох! Я и не думала.

– Ах! Герцогиня, какая жалость, и какой сюрприз!

– Да, в самом деле? Но, право же, Князь, вы столь же любопытны, как и этот старый грубиян Господь Бог.

– Я вас обидел?

– Нет, что вы! Не знаю, как и благодарить вас за тот совет насчет яблока.

– Я вынужден просить прощения, что невольно стал причиной наглости этого грубияна.

– Ни слова. Я вам очень признательна.

– Только наполовину признательны, Герцогиня.

– ?

– Потому что вы узнали лишь половину тайны.

– А какова же вторая?

– Скверная.

– О, дорогой, скажите же немедленно.

– А вы меня поцелуете?

– Поцелую. Иди же ко мне, Сатана!

– Ева!

Тут его скользкие кольца обернулись вокруг ее нагого тела, раздвоенный язык проник меж белых зубов, от терпкой пены ее язык затрепетал. Он коснулся нежного нёба и вылез, чтобы проникнуть в изящные ноздри. Мягкими зелеными кольцами он обвил ее, от его близости кровь Евы вспыхнула желанием, а он, холодный и скользкий, продолжал оплетать

груди и гибкие бедра. Хвост проник в приоткрытый фонтан, нежно пощекотав розовый язычок любви, ныне набухший и окрепший от восторга. Еву пробил жаркий, пахучий пот. – "Сатана! Я люблю тебя! Когда меня целует Адам, он такой горячий и тяжелый, он душит меня! Ты же поднимаешь меня, держишь меня, ты... Ах!" – Хвост сделал решающий рывок, и вспотевшая женщина ахнула от удовольствия. – "Моя королева!" – "Сатана!" – Влюбленный змей скользнул по ее груди. – "Любишь ли ты меня?" – "Я научу тебя любви, которая и не снилась твоему Адаму!" – Его голова скрылась в темном вместилище ее желаний, а самая нежная часть пылкого тела прижалась к ее алым губам. Угадав, чего он хочет, она с восторгом предалась новому пороку. Вновь и вновь она орошала его любовной каплей, теплый аромат их тел слился в изысканном потоке; наконец, показалась его голова, вся в пене, и вновь прильнула к ее ароматным губам, срывая похотливые поцелуи и ласково покусывая ее нежные веки, она же прижалась к телу, ставшему еще более желанным.

Но тут неподалеку раздался крик и, вскочив, Сатана увидел, что Адам возвращается с добычей. Он был слишком близко, не убежишь. Ева с женской смекалкой поспешно накинула меха и с беззаботным видом присела на корточках подле костра, Сатана же свернулся под ее юбками. Взметнулось пламя, и Адам приветствовал подругу покровительственным тоном, который мужчина всегда считает уместным в разговоре с теми, кого он считает ниже себя в социальном, физическом и интеллектуальном отношении. Она отозвалась с редкой кротостью, на которую неизменно способны неверные жены. Но ей было совсем не так просто, как можно было заключить по выражению ее лица. Змей-любовник бессовестно воспользовался замешательством и напал на нее в два места сразу, – ее увядшие было страсти пугающе разгорелись, и в высшей точке наслаждения она вряд ли смогла бы сохранить сдержанность. А Сатана и впрямь зашел слишком далеко. Он заползал все выше и выше, и уста ее чрева конвульсивно закрывались и тщетно открывались вновь. Он проникал все глубже и глубже; наконец – яростный рывок, и он полностью скрылся в храме любви. В этот самый момент Ева, дико задрожав, извергла подавленное желание и свалилась на землю в обмороке. Адам был встревожен. Паленые обрезки копыта мастодонта смогли привести ее в чувство, но меха Евы упали, и Адаму открылась природа вдохновения его женушки. – "Подумать только, – заметил он с простительной гордостью, – что всего лишь мой вид... или, быть может, это запах? Я напишу об этом книгу и тогда уж решу. Бедняжка! Да, пожалуй, моя штука сегодня ночью не сможет работать. Львица, помнится, умела облизывать ее с некоторым толком. Но, конечно, я не могу попросить Еву заняться этим. Это ее унижит, уверен. Лучше уж попытаться поднять ее до моего уровня... будь проклята эта картофельная грядка! Придется перекопать завтра, а ведь у меня только старая каменная лопата. Человеку в должности Бога... размечающему землю и все такое, следовало бы заняться поставкой железных лопат... ведь это единственная планета, где на много миллиардов миль не заметно влияния науки, как говорит молодой князь... хотя не очень-то верится, что он настоящий князь... выслушивает все эти оскорбления от придурковатого Бога, точно агнец... говорит, что это ниже его достоинства огрызаться. Я бы старого пидора привлек к суду. Угрожал еще, что у Евиного ребенка разобьется голова". – Но в этот момент его рассуждений завыл ползучий мегатерий, и Адам, схватив рогатку, стал его отгонять. Не теряя времени, Ева принялась яростно стучать по животу. – "Пора вылезать, сэр! Сейчас принесу горячую воду!" Сатана проснулся, он не любил воду, горячую или какую-либо еще, разве что с изрядной порцией шотландского виски, спустился вниз, высунул голову и спросил, какого черта она так стучит. – "Вылезай, дорогой, Адам ненадолго отошел, быстрее, и не сделай мне больно". – "Но, Ева, я проведу с тобой ночь". – "А как же Адам?". – "Пусть тоже залезает". – "Но он все обнаружит. Лучше придумаем что-нибудь другое". – "Нет, я все обдумал. Ты просто не знаешь всего секрета". И по дороге страстно ущипнув клитор, Сатана вновь заполз в уютное убежище.

Адам победоносно вернулся из похода, радостно сбросил шкуры, и кинулся в объятия своей подруги. Как и можно было предположить, вскоре Ева заставила его изменить позицию, копна ее рыжеватых волос покрыла его бедра, а алые губки принялись вдохновлять

его до подходящей степени твердости. Желанное вскоре осуществилось, она быстро сменила позу, уселась на него верхом и рукой направила в нужное отверстие. Началась пляска. Ева что было мочи ерзала толстым задом, Адам помогал, насколько позволяла ему скованность позы. Настал критический момент, и поток теплой влаги стремительно затопил все на своем пути. Но Ева пока не позволяла вынуть. И тут Адам вскрикнул от боли: "Меня укусили!" – "Этот мерзкий палеопулекс", – сказала Ева. – "Нет, это у тебя внутри. Он меня выталкивает! Вставай!" – Ева вскочила, взволнованная, и обнаружила, что Сатана спокойно появляется из своей цитадели. Адам бросился искать дубину. Но к тому времени, когда он вернулся, произошла перемена. Старая змеиная кожа была сброшена, и Сатана предстал в подлинном своем обличье, лучистый дух. – "Ты укусил меня", – сказал Адам возмущенно. – "Для твоего же блага. Бог обрек тебя на смерть. Мой укус наполнил твою кровь ядом, который заставит забыть о страхе смерти и даже сделает ее желанной!" – "Как же называется этот яд?". Сатана ответил: "Сифилис!" – и ушел, хохоча. Богу неприятно было слышать его смех.

Перевод Д. Волчека

Примечания переводчика

Рассказ опубликован в разделе *Juvenilia* сборника "Подснежники из сада викария" (1904).

ЗАВЕЩАНИЕ МАГДАЛИНЫ БЛЭР

ЧАСТЬ I

I

На третьем курсе в Ньюхеме я уже была любимой ученицей профессора Блэра. Позднее он потратил немало времени, восхваляя мою изящную фигуру, привлекательное лицо и большие серые глаза с длинными черными ресницами, но поначалу его привлек только один мой талант. Немногие мужчины, (и вряд ли хоть одна женщина), могли состязаться со мною в бесценном для научной работы навыке, – способности воспринимать краткосрочные колебания. Моя память крайне слаба, даже необычайно; мне было вообще довольно сложно поступить в Кембридж. Но я умела наладить микрометр лучшего любого студента или профессора и прочитать показания нониуса с точностью, на которую никто из них не был способен. Вдобавок я отличалась производившей жутковатое впечатление способностью к бессознательным вычислениям. Если мне приходилось выбирать промежуток между, скажем, 70 и 80 градусами, мне даже не нужно было смотреть на термометр. Автоматически я определяла, что ртуть подходит к отметке, оставляла другую работу и, не задумываясь, поправляла бунзеновскую горелку.

Что еще примечательней, когда какой-то предмет клали на мою скамью без моего ведома, а потом убирали, я могла, если меня спрашивали несколько минут спустя, описать его в общих чертах, особенно контуры основания и степень восприимчивости к теплу и свету. По этим данным я легко могла определить, что это был за предмет.

Эти мои способности не раз проверялись с неизменным успехом. Причиной, очевидно, была моя особая чувствительность к мгновенным колебаниям тепла.

Мне также неплохо удавалось чтение мыслей, еще в те времена. Другие девушки страшно меня боялись. И совершенно напрасно: у меня не было ни желания, ни сил как-либо использовать мои способности. Даже сейчас, когда я обращаюсь к человечеству с этим посланием о проклятии, столь ужасном, что в двадцать четыре года я превратилась в увядшую, сломленную, высохшую старуху, я остаюсь совершенно бесстрашной, совершенно безразличной.

У меня сердце ребенка и сознание Сатаны, летаргия от неведомой болезни; и уже, слава Б... – ох! Нет никакого Бога! – близка развязка: я хочу предупредить человечество от следования по моему пути и затем взорвать во рту динамитную шашку.

II

На третьем курсе в Ньюхеме я каждый день проводила четыре часа в доме профессора Блэра. Все прочие дела я забросила, занималась ими автоматически, если вообще занималась. Произошло это постепенно, и первопричиной послужил несчастный случай.

В химической лаборатории были две комнаты: одна маленькая, которую можно было полностью затемнить. В тот день (был летний семестр второго курса) эта комната была занята. Шла первая неделя июня, стояла жара. Дверь была закрыта. Внутри студентка проводила эксперимент с гальванометром.

Я была занята своей работой. Вдруг я встрепенулась. "Быстрее, – сказала я, – Глэдис сейчас упадет в обморок". Все в комнате уставились на меня. Я сделала несколько шагов к двери, тут раздался грохот падающего тела, и в лаборатории началась истерика.

Дело было только в жаре и духоте; Глэдис вообще не стоило работать в такой день, но она быстро пришла в себя и приняла участие в последующем бурном обсуждении. "Откуда она знала?" – этот вопрос волновал всех, и все были убеждены, что я знала заранее. Ада Браун (*Athanasia contra mundum*⁹) все высмеяла; Маргарет Лечмир решила, что я, возможно, услышала то, чего не уловили другие, занятые работой: может быть, крик; Дорис Лесли говорила о ясновидении, Эми Гор о "родстве душ". Все эти теории утопали в бесконечных догадках. Профессор Блэр появился в самый жаркий момент обсуждения, успокоил всех за пару минут, еще пять выпрашивал детали, а потом пригласил меня на ужин. "Думаю, дело в вашей теплочувствительности, – сказал он. – Вы не против немножко поэкспериментировать после ужина?". Его тетка, занимавшаяся домашним хозяйством, пыталась было протестовать, но, в конце концов, была назначена Главным Надзирателем за моими пятью чувствами.

Сначала проверке был подвергнут мой слух, его признали нормальным. Затем мне завязали глаза, и тетка пущей предосторожности ради встала между мною и профессором. Обнаружилось, что я могу описать его малейшие движения, но только пока он находится между мною и западным окном; стоило ему отойти, и я ничего не могла сказать. Это соответствовало теории теплочувствительности, но в других случаях результаты полностью ей противоречили. В общих чертах итог был весьма примечательным и весьма загадочным; два часа мы провели в бесплодном теоретизировании. В конце концов, тетка, грозно нахмурившись, пригласила меня провести летние каникулы в Корнуолле.

Эти месяцы мы с профессором работали над изучением истинной природы и пределов моих способностей. Результат, по большому счету, был нулевой.

Во-первых, эти способности проявлялись всякий раз по-новому. Кажется, я делала все, что обычно, чтобы ощущать мгновенные изменения, но потом обнаружилось, что аппарат восприятия у меня совершенно изменился. "Один исчез, другой пришел на смену", – говорил профессор Блэр.

Те, кто никогда не проводил научных экспериментов, не подозревают, насколько бесчисленны и неуловимы источники ошибок, даже в простейших вещах. В таких же неясных и неизведанных областях нельзя доверять результату, пока он не перепроверен тысячу раз. В нашей области мы не обнаружили ничего постоянного, одни лишь варианты.

Хотя в нашем распоряжении были факты, каждый из которых, казалось, мог перевернуть все существующие теории о средствах общения между различными сознаниями, у нас не было ничего, совершенно ничего, что можно было положить в основу новой теории.

На самом деле, невозможно даже дать общее описание хода наших исследований. Двадцать восемь полностью исписанных тетрадей, относящихся к этому периоду, находятся в распоряжении моих душеприказчиков.

⁹ Бессмертие против мира (лат.)

III

Когда я училась на третьем курсе, внезапно тяжело заболел мой отец. Узнав об этом, я помчалась на велосипеде в Питерборо (мой отец был каноником местного собора), совершенно позабыв о своей работе. На третий день я получила телеграмму от профессора Блэра: "Согласитесь ли вы стать моей женой?". До этого момента я никогда не думала о себе, как о женщине, а о нем, как о мужчине, и только тут поняла, что люблю и всегда любила его. Это был случай, который можно назвать "Любовь с первой разлуки". Мой отец быстро шел на поправку, я вернулась в Кембридж, в мае мы поженились и сразу же уехали в Швейцарию. Позвольте опустить описание столь священного для меня периода моей жизни, но все же один случай не могу не упомянуть.

Мы сидели в саду возле Лаго-Маджоре после чудесной прогулки от Шамоникса через Коль дю Жеан к Курмайеру, оттуда к Аосте, а потом спуска к Палланце. Очевидно, увлеченный какой-то идеей, Артур встал и принялся ходить взад-вперед по террасе. Неожиданно что-то заставило меня повернуть голову, чтобы убедиться в его присутствии.

Вас, читателей, это, возможно, не впечатлит, если вы лишены подлинного воображения. Но представьте себе, что вы разговариваете с другом при свете дня и внезапно тянетесь вперед его пощупать.

– Артур! – крикнула я. – Артур!

Отчаяние в моем голосе заставило его подбежать ко мне.

– Что случилось, Магдалина? – крикнул он, беспокойство в каждом слове.

Я закрыла глаза.

– Двигайся! – попросила я. – (Он стоял между мной и солнцем).

Он повиновался, изумленный.

– Ты... ты... – Я запнулась. – Нет! Я не знаю, что ты делаешь. Я ослепла!

Он поднял руку, опустил. Бесполезно; я совершенно утратила чувствительность. Этой ночью мы провели десяток экспериментов. Все провалились.

Мы скрыли разочарование, и оно не омрачило нашей любви. Влечение даже стало острее и сильнее, но не больше, чем обычно бывает между мужчинами и женщинами, любящими друг друга всем сердцем и любящими бескорыстно.

IV

В октябре мы вернулись в Кембридж, и Артур увлеченно принялся за работу в университете. Потом я заболела, и надежды, которые мы питали, были омрачены. Хуже всего, что течение болезни потребовало провести все операции, которые способна вынести женщина. Не только прошлые надежды, но и будущие были уничтожены.

Во время моего выздоровления произошло самое важное событие в моей жизни.

Однажды днем меня мучили сильнейшие боли, и я решила позвать врача. Сиделка пошла в кабинет позвонить ему.

– Не лгите мне, – сказала я, когда она вернулась. – Он не уехал в Ройстон. Он узнал, что болен раком, слишком расстроен и поэтому не хочет придти.

– О чем вы? – удивилась сиделка. – Он действительно не может придти, и я собиралась сказать вам, что он уехал в Ройстон, но про рак я ничего не слыхала.

Это была правда, ей не сказали. Но на следующий день мы узнали, что моя «интуиция» оправдалась.

Когда я поправилась, мы возобновили эксперименты. Мои способности вернулись с утроенной силой.

Артур так объяснил мою «интуицию»:

– Врач, когда ты последний раз его видела, еще не знал, что у него рак, но бессознательно Природа его предупредила. Ты проникла в его подсознание, и то, что ты там

почерпнула, перенеслось в твое сознание, когда ты прочитала на лице сиделки, что он болен.

Это несколько расплывчатое заключение, по крайней мере, исключало зыбкие теории «телепатии».

С этого момента мои способности постоянно росли. Я могла читать мысли моего мужа по незаметным движениям его лица так же легко, как глухонемой разбирает речь находящегося вдалеке человека по его губам.

По мере того как мы продолжали работу, день за днем, я стала понимать, что мое умение улавливать детали становится все глубже. Я не просто умела угадывать эмоции, я могла сказать, думает ли он 3468522 или 3456822. В год после моей болезни мы провели 436 подобных экспериментов, каждый длился несколько часов, всего 9363, из них лишь 122 неудачи, и то, без исключения, частичные.

На следующий год мы перешли к чтению его снов. И здесь мне сопутствовал такой же успех. Обычно я уходила из комнаты до пробуждения мужа, записывала его сон и за завтраком он сравнивал свою запись с моей.

Все, без исключения, были идентичными, с одной поправкой: моя запись всегда была полнее. Почти всегда он, тем не менее, старался вспомнить детали, известные мне, но эти детали, думаю, все равно не представляли научной ценности.

Но имеет ли все это значение, когда я думаю о надвигавшемся кошмаре?

V

Версия, что единственным способом узнать мысли Артура было чтение по губам, на третий год нашего брака казалась более чем сомнительной. Мы бессовестно практиковали «телепатию». Проверив все тщательным образом, мы исключили возможность "чтения по мускулам", «сверхслышимости», "теплочувствительности", и все равно я могла читать каждую его мысль. Во время пасхального отпуска в северном Уэльсе мы на неделю разъехались, в конце этой недели он оказался на подветренной, а я на противоположной стороне Трифана; в назначенный час он открыл и прочитал документ из запечатанного пакета, который дал ему "незнакомец в Пен-и-Пассе". Эксперимент полностью удался, я повторила каждое слово документа. Если отбросить телепатию, то единственное объяснение, что я встретила «незнакомца» прежде и прочитала все, что он собирался написать при таких обстоятельствах! Разумеется, прямая связь двух сознаний – куда более резонная теория.

Если бы я знала, во что это все выльется, я бы, вероятно, сошла с ума. Втройне удачно, что я могу предупредить людей о том, что ожидает каждого. Величайшим благодетелем человечества будет тот, кто изобретет взрывчатку, действующую быстрее и разрушительней динамита. Если бы я только была уверена, что смогу изготовить хлорид азота в необходимом количестве...

VI

Артур сделался вялым и равнодушным. Любовное единство, которым был скреплен наш брак, рухнуло без предупреждения, хотя, на самом деле, расстраивалось мало-помалу. Но сам этот факт я, тем не менее, осознала внезапно. Это произошло как-то раз летним вечером, когда мы катались на лодках по Кему. Один из студентов Артура, тоже в канадском каноэ, предложил нам грести наперегонки. Под мостом Магдалины мы вышли вперед, и тут я услышала мысль моего мужа. Это был самый чудовищный и жуткий хохот, какой только бывает на свете. Ни один дьявол не способен смеяться так. Я вскрикнула и уронила весло. Все решили, что мне стало дурно. Я была убеждена, что это не смех какого-то прохожего на мосту, искаженный моей сверхчувствительной натурой. Я ничего не сказала; Артур выглядел мрачно. Ночью он спросил внезапно, после долгого раздумья: "Это было из-за моей мысли?". Я смогла только пролепетать, что не знаю.

Теперь время от времени он жаловался на усталость, а его вялость, на которую я

прежде не обращала особого внимания, приобрела тревожные черты. В нем появилось нечто чужеродное! Безразличие прежде возникало мимолетно; теперь же я стала замечать, что оно стало постоянным и все усиливается. В ту пору мне было двадцать три года. Вас может удивить, что я пишу с такой серьезностью. Иногда мне приходит в голову, что у меня вообще никогда не было собственных мыслей, что я всегда читала мысли других или, возможно, самой Природы. Кажется, я была женщиной только в первые месяцы замужества.

VII

В следующие полгода не произошло ничего примечательного, кроме того, что шесть или семь раз мне снились сны, яркие и жуткие. К Артуру они не имели отношения. И все же каким-то образом я знала, что это его сны, а не мои; точнее, что они сами оживали в его подсознании, поскольку один приснился мне днем, когда Артур ушел на охоту и определенно не спал.

Последний из них приснился мне в конце осеннего семестра. Артур ушел читать лекции, я оставалась дома на грани сна и яви, слишком плотно позавтракав после бессонной ночи. Внезапно я увидела университетскую аудиторию, она была намного больше, чем на самом деле и заполнила все пространство; на кафедре, выпячиваясь из нее со всех сторон, стоял огромный смертельно-бледный дьявол с лицом, карикатурно похожим на Артура. Злобную радость на его лице невозможно описать. Бледное и разбухшее, с бескровными обвисшими губами, оно взирало с неопишуемой злобой; а брюхо, складка за складкой, свешивалось с кафедры и выпихивало студентов из комнаты. Затем изо рта выползли слова: "Дамы и господа, курс закончен. Идите домой". Я не в состоянии описать гнусь и мерзость этой простой фразы. Затем, возвысив голос до скрежещущего визга, он принялся вопить: "Белок яйца! Белок яйца! Белок яйца", и так снова и снова двадцать минут кряду.

Это произвело на меня ужасающее впечатление, словно я узрела ад.

Артур обнаружил меня в истерическом состоянии, но ему быстро удалось меня успокоить.

– Знаешь, – сказал он за ужином, – кажется, я чертовски простудился.

В первый раз я слышала, что он жалуется на самочувствие. За шесть лет у него не было ничего страшнее головной боли.

Я пересказала ему мой «сон», когда мы легли в постель; Артур выглядел необычно мрачно, словно понял, что именно я упустила в его интерпретации. Утром у него начался жар; я велела ему оставаться в постели и вызвала врача. В тот же день я узнала, что Артур серьезно болен, причем уже несколько месяцев. Доктор сказал, что это воспаление почек.

VIII

Я сказала "последний сон". Весь следующий год мы путешествовали и перепробовали множество методов лечения. Мои способности мне нисколько не изменили, но я больше не улавливала никаких бессознательных кошмаров. С небольшими колебаниями Артур чувствовал себя все хуже; с каждым днем он становился все безжизненней, все безразличней, все депрессивней. Наши эксперименты были поневоле сокращены. Единственным, что занимало Артура, стала проблема его личности. Артур интересовался, кто он такой. Я не хочу сказать, что он страдал от галлюцинаций; я имею в виду, что его воображение было занято проблемой истинного эго. Одним чудесным летним вечером в Контрексвиле он чувствовал себя намного лучше; симптомы болезни временно исчезли благодаря лечению очень умелого врача на этом курорте, доктора Барбезье, доброго и опытного человека.

– Я хочу попробовать, – сказал Артур, – проникнуть в свою суть. Животное ли я, и бесцелен ли мир? Душа ли я, заключенная в теле? Или же я – единственный и неделимый в каком-то невероятном смысле, отблеск вечного Божественного огня? Я должен погрузиться в себя, попробовать впасть в своего рода транс, который сам не смогу постичь. Может быть,

тебе удастся его интерпретировать.

Эксперимент продолжался около получаса, и, наконец, Артур поднялся, тяжело дыша.

– Я ничего не видела, ничего не слышала, – сказала я. – От тебя ко мне не перешло ни единой мысли.

Но в этот самый момент то, что было у него в сознании, вспыхнуло у меня в голове.

– Это бездонная пропасть, – сказала я ему, – и над нею висит стервятник огромней всей вселенной.

– Да, – ответил он, – так и было. Но это не все. Я не могу перейти грань. Надо попытаться снова.

Он сделал еще одну попытку. И вновь меня отрезало от его мыслей, хотя его лицо дергалось так, что можно было сказать, что его мысли сможет прочесть кто угодно.

– Я не там искал, – произнес он внезапно, но очень спокойно и не шелохнувшись. – То, что мне было нужно, находится в основании позвоночника.

И тут я увидела. В голубых небесах свернулась бесконечная змея, зеленая с золотом, с четырьмя огненными глазами, – черно-красное пламя, испускавшее лучи во все стороны; в кольцах она удерживала великое множество смеющихся детей. Стоило мне взглянуть, видение размылось. Извивающиеся реки крови потекли с небес, кровь гноилась безымянными формами, – чесоточные псы, волочащие за собой выпавшие кишки, полуслоны-полужуки, нечто, похожее на жуткий выбитый глаз, окаймленный кожаными щупальцами, женщины с кожей, бугрящейся и пузырящейся, точно кипящая сера, и испускающей облака, собирающиеся в тысячи новых очертаний, еще более чудовищных, чем их прародительница, – таковы были насельники этих полных ненависти рек. Кроме того, были вещи, которые невозможно назвать или описать.

Меня привел в себя вид Артура, хрипящего и задыхающегося, его скрутила судорога.

После этого случая он так по-настоящему и не оправился. Тусклый взгляд стал еще туманнее, речь медленней и неразборчивей, головные боли чаще и пронзительней.

На смену прежней замечательной энергии и активности пришел ступор, его жизнь превратилась в постоянную летаргию, сползающую в кому. Частые судороги предупреждали меня, что он находится в опасности.

Иногда его дыхание становилось тяжелым и шипящим, словно у разъяренной змеи; ближе к концу оно приобрело тип чейн-стока со вспышками все более усиливающимися по длительности и остроте.

И, тем не менее, он оставался самим собой; тот ужас, который был и все же не был им, не выглядывал из-под покрова.

– Пока я нахожусь в сознании, – сказал Артур в момент редкого просветления рассудка, – я могу сообщать тебе то, что я думаю; как только сознательное эго вытесняется, ты ловишь бессознательную мысль, которая, боюсь – о, как я этого боюсь! – и есть большая и истинная часть меня. Ты извлекла неразгаданное объяснение из мира снов; ты – единственная женщина на свете, – возможно, другой никогда не будет, – у которой есть возможность изучить феномен смерти.

Он искренне убеждал меня, в надежде умерить мою скорбь, чтобы я всецело концентрировалась на мыслях, появляющихся в его сознании, когда он больше не способен был выразить их, и на бессознательном, если сознание блокировала кома.

Это и есть тот самый эксперимент, который я ныне заставляю себя описать. Пролог оказался длинным; необходимо было представить человечеству факты простейшим путем, чтобы оно смогло узнать верный способ самоубийства. Я искренне прошу читателей не сомневаться в истинности моего рассказа; описания наших экспериментов, оставленные в моем завещании величайшему из ныне живущих мыслителей, профессору фон Бюле, докажут, что моя повесть правдива, и что существует великая и страшная необходимость действовать немедленно и решительно.

ЧАСТЬ II

I

Удивительным физическим проявлением болезни моего мужа была всеобъемлющая прострация. Тело столь сильное, что подтверждали частые судороги, и такая инертность в нем! Он мог целый день лежать, как бревно; затем без предупреждения или конкретного повода начинались спазмы. Уравновешенный научный мозг Артура хорошо переносил это состояние; бред начался только за два дня до смерти. В тот момент меня не было рядом, я совсем измучилась и не могла спать, так что доктор настоял, чтобы я отправилась на продолжительную автомобильную прогулку. На свежем воздухе я задремала и проснулась оттого, что незнакомый голос сказал мне прямо в ухо: "Ну а теперь – гвоздь программы". Поблизости никого не было. И тут я услышала голос моего мужа – знакомый и любимый, – ясный, сильный, низкий, размеренный: "Запомни все точно, это очень важно. Меня увлекают силы бессознательного. Может быть, я больше не смогу с тобой говорить. Но я здесь, меня не изменят страдания; я всегда смогу думать; ты всегда сможешь читать мои... – Голос сорвался в страстный вопрос. – Но кончится ли это когда-нибудь? – словно некто что-то ему сказал. И тут я услышала смех. Смех, который я слышала под мостом Магдалины, был божественной музыкой по сравнению с этим! Даже лицо Кальвина, когда он злорадствовал, глядя на сожжение Сервета, преисполнилось бы милосердия, услышь он этот смех, превосходно воплощавший самую суть проклятия.

С этой минуты мысли моего мужа словно поменялись местами с мыслями другого. Они были снизу, внутри, подавлены. Я сказала себе: "Он мертв!"

И тут возникла мысль Артура: "Лучше б я притворился безумным. Это спасло бы ее, быть может, и это изменило бы все. Сделаю вид, что я зарубил ее топором. Будь все проклято! Надеюсь, она не слышит. – Теперь я уже полностью проснулась и велела шоферу ехать домой. – Надеюсь, она погибла в автокатастрофе, надеюсь, что ее разнесло на миллион кусочков. Господи! Услышь мою молитву! Пусть анархист бросит бомбу и разорвет Магдалину на миллион кусочков! Особенно мозг! Главное – мозг. О Боже! Моя первая и последняя молитва: разнеси Магдалину на миллион кусочков!"

Самым ужасным в этой мысли была моя убежденность – тогда и теперь – что она возникла в сознании совершенно ясном и последовательном. И я чрезвычайно боялась думать о смысле его слов.

У дверей палаты меня встретил санитар, попросивший не входить. Не владея собой, я спросила "Он умер?", и, хотя Артур лежал на постели абсолютно недвижимый, я прочитала ответную мысль "Умер!", безмолвно произнесенную полным издевки, ужаса, цинизма и отчаяния тоном, которого я никогда не слышала прежде. Это было нечто или некто, бесконечно страдавший и бесконечно глумившийся над самим страданием. И это нечто завесой отделяло меня от Артура.

Снова послышалось свистящее дыхание; казалось, Артур пытается выразить себя, прежнего. Ему удалось негромко произнести: "Это полиция? Выпустите меня из дома! За мною пришла полиция. Я зарубил Магдалину топором". Появились симптомы бреда. "Я убил Магдалину", – пробормотал он десяток раз, потом принялся снова и снова повторять "Магдалину...", голос угасал, затихал, все еще повторяя. Затем внезапно, очень ясно и громко, пытаясь привстать на постели, он произнес: "Я размозжил Магдалину топором на миллионы кусочков". И после секундной паузы: "Миллион – в наши времена не так уж много". После этого (теперь я понимаю, что то был голос вменяемого Артура), он снова начал бредить. "Миллионы кусочков", "целый миллион", "миллион миллион миллион миллион миллион миллион миллион" и так далее, и вдруг внезапно: "Собачка Фанни умерла".

Я не могу пояснить последнюю фразу моим читателям, скажу только, что она значила для меня очень многое. Я зарыдала. И в этот момент уловила мысль Артура: "Ты должна записывать, а не плакать". Я взяла себя в руки, вытерла слезы и принялась писать.

II

В этот момент пришел врач и стал уговаривать меня отдохнуть. "Вы только сами себя изводите, миссис Блэр, и совершенно напрасно, потому что он без сознания и ничего не чувствует". Пауза. "Господи! Почему вы так на меня смотрите?", – воскликнул он, не на шутку испугавшись. Верно на моем лице появилось нечто от этой дьявольщины, что-то от этого хохота, этого отвращения, этой трясины презрения и безнадежного отчаяния.

Я вновь погрузилась в себя, устыдившись, что сущее знание – сиречь знание гнусное – преисполнило меня столь жуткой гордыни. Теперь понятно, отчего пал Сатана! Я стала понимать старые легенды, да и многое другое...

Я сказала доктору Киршоу, что исполняю последнюю волю Артура. Он не стал возражать, но я заметила, что он подал знак санитару, чтобы тот не спускал с меня глаз.

Палец больного подозвал нас. Говорить Артур не мог, лишь чертил круги на одеяле. Врач (с примечательной сообразительностью), подсчитав круги, кивнул:

– Да, уже почти семь часов. Время принимать лекарство, верно?

– Нет, – объяснила я, – он хочет сказать, что он в седьмом круге дантова Ада.

В этот момент у Артура начался буйный бред. Дикие долгие вопли вырывались из его горла: его неустанно пожирал Дис; каждый вопль свидетельствовал о встрече с зубом чудовища. Я объяснила это врачу.

– Нет, – ответил тот, – он потерял сознание.

– Увидите, – сказала я, – он издаст еще восемь воплей.

Доктор Киршоу взглянул на меня удивленно, но принялся считать.

Мои подсчеты оказались верны.

Он обернулся ко мне:

– Да человек ли вы?

– Нет, – отвечала я. – Я коллега своего мужа.

– Мне кажется, это внушение. Вы его гипнотизировали?

– Нет, но я умею читать его мысли.

– Да, теперь припоминаю. Я читал очень любопытную работу о рассудке, два года назад.

– Это были детские забавы. Но позвольте мне продолжить работу.

Он дал последние распоряжения санитару и ушел.

Страдания Артура в этот момент были невыразимы. Он был пережеван в полную кашу и очутился на языке Диса, каждый кровавый кусочек сохранял идентичность свою собственную и целого.

Соски на языке были змеями, каждая скрежетала ядовитыми зубами, завидев пищу.

Хотя чувственность Артура несколько не притупилась, даже сверхобострилась, его болезненные ощущения, казалось, усиливались, когда рот открывался. Когда же он закрывался, чтобы пережевать пищу, забвение обрушивалось, точно удар молнии. Милосердное забвение? О! Что за мастерский удар жестокости! Вновь и вновь Артур просыпался от абсолютной пустоты к аду мучений, чистому экстазу страданий, пока не понял, что так будет продолжаться до самого конца, пока сокращается сердце, бьется злобный пульс, сознание питается током крови. Я уловила страстную мольбу, чтобы смерть завершила пытку.

Кровь струилась все медленней и все слабее; я чувствовала, как Артур уповает на смерть.

Эта страшная надежда внезапно померкла, сникла от сомнений. Упованиям пришел конец, страх восстал драконом со свинцовыми крыльями. А вдруг, думал он, смерть меня не прикончит!

Я не могу сформулировать эту концепцию. Нет, сердце его не исчезло, ему некуда было исчезать, он знал, что оно бессмертно, бессмертно в царстве невообразимой боли и мучений,

освещенном одним только светом, – бледным мерцанием ненависти и гибели. Эта мысль нашла выражение в таких словах:

Я – ТО, ЧТО Я ЕСТЬ

Нельзя сказать, что к ужасу добавилось кощунство; скорее, оно и было средоточием ужаса. Это был скрежет зубовный проклятой души.

III

Демоноподобное существо, которое я теперь ясно узнала, – оно присутствовало в моем последнем «сне» в Кембридже, – кажется, собиралось сделать глоток. В этот момент умирающего сотрясла судорога, и демон зашелся в отрывке. Внезапно мне пришла в голову теория, что этот «демон» был воображаемой персонификацией болезни. Мгновенно я поняла всю демонологию от Бодена и Вейруса до современников, без пробелов. Но воображение это было или реальность? Реальность такова, что способна утопить любую «здравую» мысль.

В этот момент появился старый Артур:

– Я не чудовище! Я – Артур Блэр из Феттса¹⁰ и колледжа Святой Троицы. Я пережил приступ болезни.

Больной слабо пошевелился. Часть его мозга на мгновение вытеснила яд и яростно работала вопреки времени.

– Скоро я умру.

– Утешение в смерти – это религия.

– В жизни нет применения религии.

– Сколько на свете атеистов, сочиняющих статьи во имя братства и всего живущего! Религия в жизни, – либо развлечение и снотворное, либо притворство и мошенничество.

– Я воспитывался пресвитерианином.

– С какой легкостью я перешел в англиканскую церковь!

– И где теперь Бог?

– Где Агнец Божий?

– Где Спаситель?

– Где Утешитель?

– Почему меня не спасли от этого дьявола?

– Примется ли он пожирать меня снова? Чтобы полностью поглотить меня? О, что за чудовищная участь! Для меня совершенно ясно – надеюсь, ты записываешь, Магдалина! – что демон создан из всех, кто умер от Брайтовой болезни. Кажется, я один раз видел чавкающую трясину кровавой жижи.

– Я буду молиться.

Последовало страстное воззвание к Создателю. Столь искреннее, что непочтительно было бы предавать его печати.

И следом – холодный ужас кощунственного выпада против молчащего Бога.

Затем пришла ясная черная мука сознания – абсолютной уверенности – "Бога нет!", ей сопутствовала волна бешеной ненависти к людям, которые столь бойко убеждали его, что Бог есть, почти маниакальная надежда на то, что им предстоит страдать больше, чем ему, если такое вообще возможно.

(Бедный Артур! Он еще не полностью познал вкус плодов Мучения; ему придется выпить до дна этот самый жуткий из напитков).

– Нет, – думал он, – возможно, мне не достает их «веры».

– Может быть, если мне действительно удастся убедить себя в существовании Бога и

¹⁰ из Феттса – Привилегированный колледж в Эдинбурге.

Христа... возможно, если я смогу обмануть себя, вера возможна...

Такая мысль – подспорье для капитуляции честности, отречения от здравого смысла. Она свидетельствовала о последнем бесполезном сопротивлении его воли.

Демон поймал его и вцепился, снова начался буйный бред.

Мои плоть и чувства восстали. Охваченная необоримыми позывами рвоты, я выбежала из комнаты и намеренно на целый час отключила свою чувственность от сознания. Я и раньше знала, что малейшее присутствие в комнате табачного дыма изрядно сокращает мои способности. С этой целью я курила одну сигарету за другой с превосходным эффектом. Я ничего не ведала о том, что происходит.

IV

Артур, ужаленный ядовитым млечным соком, свалился в огромное сводчатое брюхо, напоминающее адский купол, восставший над пузырящейся жижей. Я почувствовала, что его расчленили не просто механически, но и химически, что его существо все больше и больше распадается на частицы, воплощающиеся в новых отвратительных формах, но, что хуже всего, самого Артура это не меняет; вопреки всему, нетронутые память и здравый смысл работают еще точнее, пока новый кошмарный опыт поставляет им информацию. Казалось, к попытке добавилось некое мистическое состояние; хотя Артур не был, совершенно не был этой бесформенной грудой сознания, все же это был именно он. Нас всегда, по меньшей мере, двое! Тот, кто чувствует, и тот, кто знает, – не вполне один человек. Эта двойственность личности ярко проявляется в смерти.

Не менее важным было то, что чувство времени, на которое обычно полагаются люди, – в таких случаях, как мой, особенно, – намеренно исказилось, если не пропало совсем.

Все мы судим о течении времени в соответствие с нашими обыденными привычками или каким-то подобным стандартом. Обреченность на бессмертие должна естественно разрушить ценность такого чувства. Если ты бессмертен, какая разница между коротким и длинным промежутком времени? Тысяча лет и один день, – очевидно, одно и то же с точки зрения «навсегда».

В нас скрыты бессознательные часы, – часы, заведенные опытом человечества на семьдесят или примерно семьдесят лет. Пять минут – слишком долго для нас, если мы ожидаем омнибус, вечность, если ждем возлюбленного, и сущий пустяк, если заняты приятным делом или спим.¹¹

Мы думаем, что семь лет – долгий срок, когда говорим о тюремном заключении, и совершенно ничтожный, когда речь заходит о геологии.

Но когда существует бессмертие, возраст вселенной сам по себе – ничто.

Эти умозаключения не полностью захватили сознание Артура; они нависли над ним угрозой, а в обостренном сознании, освобожденном от естественного для живущего чувства времени, каждое движение демона представлялось действием бесконечно долгим, хотя промежутки между криками, которое издавало лежащее в постели тело, были совсем короткими. Каждый приступ боли или ужаса рождался, возносился до вершины и ниспадал, чтобы возродиться спустя мгновение, казавшееся целой эпохой.

¹¹ Одна из величайших жестокостей природы – то, что все болезненные и депрессивные ощущения, кажется, длятся дольше обычного; когда же мысли приятны и настроение возвышенно, время словно летит. Таким образом, когда подводишь итог жизни с отстраненной точки зрения, кажется, что удовольствия и мучения занимают равные периоды, но остается впечатление, что мучения были неизмеримо сильнее удовольствий. Это может быть оспорено. Вергилий писал: "Forsitan haec olim meminisse juvabit", и есть один современный автор, одержимый пессимизмом, а на самом деле вполне оптимистичный. Но новые факты, которые я привожу, могут придать совершенно новое направление дискуссии; они бросают меч колоссальной тяжести на эти дрожащие весы.

Это ощущение было еще сильнее в процессе ассимиляции Артура «демоном». Кома умирающего была феноменом, вырванным из времени. Ситуация «переваривания» оказалась новой для Артура, у него не было оснований для предположений и данных, с помощью которых он смог бы определить расстояние до конца. Могу лишь бегло описать этот процесс; по мере того, как его поглощали, сознание Артура перемещалось в сознание «демона», он сливался воедино с его голодом и мерзостью. В то же время он пережевывал себя сам, собственным существом рвал свои тончайшие молекулы, самым гнусным образом глумясь над той частью себя, что была отвергнута.

Я не смогу описать заключительный процесс; суть его в том, что демоническое сознание уходило, Артур становился экскрементами демона, и, точно эти нечистоты, падал еще глубже в мерзостную пропасть тьмы и ночи, чье имя – смерть.

Еле живая, я поднялась. С трудом произнесла: "Он мертв". Санитар склонился над телом. "Да! – повторил он, – мертв!". Казалось, вся вселенная слилась в едином жутком хохоте смерти и ужаса. "Мертв!".

V

Я не вставала с места. Я чувствовала, что должна удостовериться, что смерть всему положила конец. Но горе человечеству! Сознание Артура было живее прежнего. Это был черный страх падения, немой экстаз непрерывного страха. На море позора не было волн, ни малейшего движения мысли на проклятых водах. Не было никакой надежды в этой бездне, ни единого намека, что это может прекратиться. Полет был столь бесконечным, что даже не ощущалось ускорение; он был постоянен и горизонтален, точно падение звезды. Не было даже ощущения скорости; полет должен был быть невероятно быстрым, судя по необычному страху, который он вызывал, и в то же время невыносимо медленным, если представить бездонность пропасти.

Я приняла меры, чтобы меня не беспокоили почести, которые люди – о, сколь глупо! – воздают усопшим, и нашла утешение в сигарете.

И только сейчас, впервые, как ни странно, я стала обдумывать возможность помочь ему.

Я анализировала ситуацию. Должно быть, это были его мысли, иначе я бы не смогла их воспринимать. У меня не было оснований считать, что до меня долетают чьи-либо другие мысли. Он был жив в прямом смысле слова, он, а не кто-то иной, стал добычей невыразимого страха. Очевидно, у этого страха было некое физическое основание в мозгу и теле. Все прочие феномены, которые я наблюдала, были непосредственно связаны с физическим состоянием; это было отражение сознания, с которого спали оковы человеческого, процессов, действительно происходивших в теле.

Возможно, интерпретация ложна, но это была его интерпретация, и именно она породила муки, превосходящие те, которые поэты называют адскими.

Стыдно признаться, но первым, о чем я подумала, была католическая церковь и ее мессы для упокоения усопших. Я пошла в храм, обдумывая по дороге все, что когда-либо было сказано – предрассудки сотни дикарских племен. В глубине души я не могла определить, чем отличаются варварские ритуалы от христианских.

Как бы то ни было, мой план не удался. Священник отказался молиться за душу еретика.

Я поспешила обратно и возобновила свое бдение. Изменений не было, только углубление страха, обострение одиночества, все большее погружение в кошмар. Я только и могла уповать, что, по мере угасания жизненных процессов, смерть станет концом: ад, граничащий с полным уничтожением.

За этим последовала цепь размышлений, конечным из которых стало намерение ускорить процесс. Я думала о том, как разрушить мозг, но понимала, что у меня нет возможности это сделать. Решила, что можно заморозить тело, сочинив историю для

санитара, но потом поняла, что не может быть холода страшнее бесконечной черной пустоты.

Я подумала, не сказать ли врачу, что Артур хотел передать свое тело хирургам, что он боялся быть погребенным заживо, – придумать все, что угодно, лишь бы заставить их извлечь мозг. В этот момент я взглянула в зеркало. Я поняла, что не должна ничего говорить. Мои волосы поседели, лицо осунулось, безумные глаза налились кровью.

Беспомощная и несчастная, я легла на диванчик в кабинете и жадно принялась курить. Облегчение было столь сильным, что моему чувству преданности и долга предстояла немалая битва, чтобы заставить меня возобновить работу. Смесь ужаса, любопытства и восторга, должно быть, помогла.

Я погасила пятую сигарету и вернулась в обитель смерти.

VI

Я провела за столом меньше десяти минут, и тут с пугающей неожиданностью случилась перемена. В какой-то точке пропасти тьма собралась, сконцентрировалась и вспыхнула зловещим пламенем, хлынувшим бесцельно из ниоткуда в никуда.

Это сопровождалось гнуснейшей вонью.

Все завершилось мгновенно. Точно гром, которому предшествует молния, последовал жутчайший шум, который я могла бы назвать криком больной машины.

Крик этот повторялся с равными промежутками в течение часа пяти минут и оборвался столь же внезапно, как и начался. Артур все еще падал.

Через пять часов произошел еще один подобный пароксизм, но сильнее и продолжительней. Снова настала тишина, – несколько столетий страха, одиночества и позора.

После полуночи под падающей душой открылся серый океан кишок. Казалось, он безграничен. Артур с плеском упал в него и стал по-новому воспринимать происходящее.

Море, хоть и бесконечно холодное, было покрыто кипящей зыбью. Более-менее однородная слизь, вонь которой превосходит все человеческие представления (в нашем языке недостает слов, определяющих запах и вкус; мы всегда относим наши чувства к области общеизвестного,¹² постоянно завивалась зелеными водоворотами – бешеными красными кратерами с мертвенно-белыми заостренными краями; оттуда извергался гной, образуя все известные человеку вещи, но в изуродованном, униженном, кощунственном виде.

Вещи невинные, вещи счастливые, вещи святые! Каждая невыразимо оскверненная, омерзительная, тошнотворная! Во время бдения на следующий день я распознала один рисунок. Я увидела Италию. Сначала карту Италии – нога в сапоге. Но эта нога стала быстро меняться, минуя множество фаз. По очереди она становилась лапами всех животных и птиц на свете, и каждая была изуродована всеми мыслимыми болезнями – от проказы и слоновости до золотухи и сифилиса. Было ясно, что это неотделимая и вечная часть Артура.

Затем сама Италия, гнусная в каждой детали. И следом я сама. Воплощенная во всех

¹² Это мое общее замечание относится и к ученым, с одной стороны, и к писателям, с другой. Мы можем выразить новую идею, только объединив две старые или же прибегнув к метафоре; так любое число можно образовать при помощи двух других. У Джеймса Хинтона [Джеймс Хинтон (1822–1875) – автор книги "Тайна боли" (1866), в которой утверждалось, что существует равновесие страданий: боль, которую испытывают одни люди, идет на пользу другим – прим. пер.] была, без сомнения, очень свежая, простая и выразительная идея о "четвертом измерении пространства"; но ему было очень трудно объяснить ее другим, даже если это были серьезные математики. Таков, полагаю я, значительнейший фактор, препятствующий прогрессу человечества, – великие люди считают, что они будут поняты окружающими. Даже такой мастер просто говорить по-английски, как покойный профессор Хаксли [Томас Генри Хаксли (Гексли) (1824–1895) – британский биолог-дарвинист – прим. пер.] был столь принципиально недопонят, что его постоянно обвиняли в выдвигании тезисов, которые он намеренно опровергал самым ясным языком.

женщинах на свете, со всеми болезнями и следами пыток, которые Природа и человек способны замыслить в адских фантазиях, и каждая умирала так же, как Артур, и их вечные муки дополняли его собственные, и были узнаны и восприняты, как его собственные.

То же произошло с нашим несуществующим ребенком. Все дети всех народов, – недоношенные, изувеченные, подвергнутые пыткам, разодранные на части, замученные с изобретательностью, на которую способен только величайший из дьяволов.

Подобное происходило с каждой мыслью. Я поняла, что разложение мозга мертвеца постепенно затрагивает каждую его мысль, марая ее краской самого ада.

Я засекала продолжительность одной мысли: несмотря на то, что в ней были неисчислимы миллионы деталей, и каждая ясная, яркая и продолжительная, длилась она всего лишь три секунды земного времени. Я подумала, что в его мощном мозге хранится гигантское количество мыслей; ясно было, что они не истощатся и за тысячу лет.

Но, возможно, если разрушить мозг, чтобы его составные части оказались неразличимы...

Принято считать, что сознание обусловлено правильной циркуляцией крови в клетках мозга; но почему бы записям мыслей не осуществляться как-то иначе? Теперь мы знаем, что опухоль мозга порождает галлюцинации. Сознание работает странным образом; небольшое нарушение кровообращения, и оно угасает, точно свеча, или же приобретает чудовищные формы.

Но вот сокрушительная истина: в смерти человек живет снова, и живет вечно. Можно было бы догадаться и раньше: фантазмагорическая жизнь, возникающая в сознании утопающего, предполагает нечто подобное у каждого человека с активным и живым воображением.

Хуже всего то, что сами мысли были предчувствиями мыслей перед тем, как те появлялись. Карбункулы, нарывы, язвы, раковые опухоли – нет аналогов гнойникам в утробе ада, в бурлящие конвульсии которого погружался Артур – глубже, все глубже.

Важность этого опыта не может быть постигнута человеческим разумом. Я была убеждена, что для меня конец наступит с кремацией его тела. Я безмерно радовалась, что Артур распорядился это сделать. Но для него начало и конец, судя по всему, не имели значения. Мне казалось, что сквозь все доносится подлинная мысль Артура: "Хотя это все – я, это лишь мое случайное свойство; я же стою поодаль, невредимый, вечный".

Ни в коем случае не следует думать, что все это в какой-то степени умаляло интенсивность страданий. Скорее, лишь добавляло им силы. Быть омерзительным – не так страшно, как быть ввергнутым в мерзость. Погрузиться в нечистое, – означает стать нечувствительным к отвращению. Но если сделать это и все равно оставаться чистым, каждая гнусность лишь добавляет боли. Представьте мадонну, заключенную в теле проститутки и вынужденную признать "Это я", ни на секунду не утрачивая отвращения. Не только быть заточенным в аду, но и по принуждению участвовать в адских таинствах; не только быть верховным жрецом его ритуалов, но прародителем и провозвестником его культа; Христос, которому отвратителен поцелуй Иуды, теперь узнает, что предатель – он сам.

VII

По мере того, как продвигалось разложение мозга, гнойники порой лопались одновременно, и, в результате, к обычному кошмару добавлялись путаница и гипертрофия безумия со всеми ее муками. Можно предположить, что любая неразбериха была бы отдохновением от столь омерзительной ясности, но это было не так. К мучениям добавлялось оглушительное чувство тревоги.

Появлялись устрашающие видения, они исчезали, взрываясь и превращаясь в кашеобразные окаменелые нечистоты, которые были главным элементом многих частиц, из которых состоял Артур. Пока он падал глубже и глубже, феномен возрастал во всех смыслах.

Теперь нечистоты стали джунглями, в которых неизвестность и ужас целого постепенно смогли затмить даже отвращение, которое вызывала каждая составляющая.

Безумие живущих – вещь столь гнусная и жуткая, что любое сердце может окаменеть от ужаса; но это ничто по сравнению с безумием покойников!

Теперь возникло новое осложнение: необратимый и полный распад уравнивающего механизма сознания, который контролирует чувство времени. В чудовищно разбитом и деформированном мозге, похожем на текущее бесформенное желе с внезапно появляющимися огромными щупальцами, время распадалось в тысячу раз сильнее. Чувство последовательности само по себе было уничтожено; вещи последовательные казались наложенными друг на друга или совпадающими в пространстве; образовалось новое измерение, границы стерлись, открыв еще одну бездонную пропасть.

Ко всему прочему добавились замешательство и страх, по сравнению с которыми земная агорафобия кажется жалкой пародией; в то же время Артура терзало ощущение замкнутости пространства, поскольку из бесконечности нет выхода.

Добавим к этому безнадежность от монотонности ситуации. Хотя феномены менялись, в целом они казались одинаковыми. Все человеческие задачи облегчаются уверенностью, что когда-нибудь они завершатся. Даже наши радости были бы невыносимы, если бы мы убедились, что они будут продолжаться, сменяясь скукой и отвращением, усталостью и пресыщением, все дальше и дальше. В этой нечеловеческой, сверхдьявольской преисподней присутствовала утомительная повторяемость, один и тот же диссонанс, непрерывный визг, и промежутки тишины не давали отдохновения, лишь страшное перетекание ужаса через край в ожидании нового кошмара.

Часами, тянувшимися для Артура, точно вечность, продолжалась эта стадия, пока каждая клетка, содержащая память о чем-то, была исковеркана, быстро сгнивала и распадалась.

VIII

Бактериальное разложение, поначалу ничтожное, сменилось грубым химическим процессом. Гнилостные газы, формирующиеся в мозгу и вновь проникающие в него, в сознании Артура представлялись полчищами гнойников, бесформенных и безликих – Артур еще не постиг бездну. Ползущая, извивающаяся, окутывающая Вселенная объяла его, погрузив в неопишемую скверну, втягивая в удушающий ужас.

Раз за разом она топила его сознание в пучине, описание которой он не способен был мне передать; неудивительно, ведь его мучения совершенно превосходили пределы человеческого выражения.

Муки лишь расширялись, усиливались с каждым фиалом гнева. Память окрепла, понимание возросло, воображение стало безграничным.

Как знать, что это означало? Человеческий рассудок не может по-настоящему воспринимать числа за пределами примерно двух десятков; он оперирует цифрами благодаря умозаключениям, а не руководствуясь впечатлением. Только высочайший интеллект способен отличить пятнадцать спичек, лежащих рядом, от шестнадцати, не пересчитав их. После смерти это ограничение полностью исчезает. В бесконечном содержании Вселенной каждая вещь осознается отдельно. Мозг Артура стал равным тому, которым теологи наделяют Создателя; только вот способности повелевать ему не было дано. Беспомощность человека перед обстоятельствами возросла в нем безгранично, но детали и целое он воспринимал без изъяна. Артур понимал, что Многое равнозначно Единственному, без утраты или смешения концепций каждого. Он был Богом, но Богом безнадежно проклятым; существом высшим, но ограниченным природой вещей, и природа эта состояла исключительно из мерзости.

IX

У меня почти не оставалось сомнений, что кремация тела моего мужа сократит процессы, которые в погребенном продолжаются до той поры, пока не останется следов органической субстанции.

Первое прикосновение пламени породило процесс столь жестокий и явственный, что все прошлое поблекло в его ярком свете.

Неутолимые муки боли невозможно описать; если и было какое-то облегчение, то лишь в ликовании оттого, что это кончится.

Не просто время, но все пазухи времени, все монстры из чрева времени подлежали уничтожению; даже эго могло уповать на свой конец.

Эго – "червь, что не умирает", а существование – "огонь неугасимый".¹³ И вот во вселенском погребальном костре, прорве жидкой лавы, выпущенной вулканами бесконечности, в "огненном озере" для дьявола и ангелов его,¹⁴ неужели нельзя достичь дна? Ах! Но времени больше не было, равно как и эго призрака!

Оболочка была истреблена огнем, плотские газы, объединяясь и разъединяясь, были унесены пламенем, освобождены от органической формы.

Где был Артур?

Его мозг, его индивидуальность, его жизнь были безоговорочно уничтожены. По частицам, именно так, Артур слился со вселенским сознанием.

И я слышала его утверждение; или, скорее, это мой перевод на английский единственной мысли, суть которой была: «Горе».

Вещество называется духом или материей.

Дух и материя суть одно, неделимое, вечное, неразрушимое.

Бесконечная и вечная перемена!

Бесконечная и вечная боль!

Никакого абсолюта, никакой правды, никакой красоты, никакой идеи, одни лишь водовороты формы, нескончаемые, неукротимые.

Вечный голод! Вечная война! Перемены и боль бесконечные и непрерывные.

Индивидуальности нет, только в иллюзиях. А иллюзия есть перемена и боль, и ее разрушение есть перемена и боль, и ее новое отделение от бесконечного и вечного есть перемена и боль; и вещество бесконечное и вечное есть невыразимые перемены и боль.

За пределами мысли, что есть перемена и боль, находится существо, которое есть перемена и боль.

Это были последние слова, которые мне удалось разобрать, они сорвались в нескончаемый вопль: Горе! Горе! Горе! Горе! Горе! Горе! Горе! – в непрерывной монотонности, которая начинает звенеть у меня в ушах, если я позволяю себе отвлечься от размышлений и прислушаться к голосу чувств.

Во сне я отчасти защищена и постоянно поддерживаю огонь в лампе, чтобы жечь в комнате табак; и все же слишком часто мои сны раздирает это повторяющееся: Горе! Горе! Горе! Горе! Горе! Горе!

Х

Финальная стадия ясно кажется неизбежной, если только мы не верим в теории буддистов, к чему я в принципе склонна, поскольку их точка зрения на Вселенную точно подтверждается описанными здесь фактами. Но одно дело распознать болезнь, и совсем другое – найти лекарство. Честно говоря, все мое нутро выворачивает от их методов, и я,

¹³ "червь, что не умирает"... "огонь неугасимый" – Евангелие от Марка, 9:44

¹⁴ "огненном озере" для дьявола и ангелов его – Откровение 20:10

скорее, поверю в абсолютную предопределенность и достигну ее как можно скорее. Моя основная забота – не допустить предварительной попытки, и я убеждена, что взрыв динамитной шашки во рту – самый надежный способ этого избежать. Существует возможность, что, если все мыслящие умы, все "духовные существа" будут умерщвлены таким образом, и, особенно, если удастся уничтожить всю органическую жизнь, Вселенная прекратит существование, поскольку (как доказал епископ Беркли) она может существовать только в мыслящем рассудке. Нет серьезных свидетельств (в духе Беркли) существования разума за пределами человеческого. Материя сама по себе в каком-то смысле способна думать, но ее монотонное стенание не столь мерзко, как ее гнусное созидание вещей высоких и святых для того лишь, чтобы сбросить их сквозь позор и ужас в прежнюю бездну.

Я буду добиваться широкого распространения этих записок. Дневники моей работы с Артуром (тт. I–ССХIV) будут отредактированы профессором фон Бюле, исключительный ум которого, возможно, сможет отыскать избавление от кошмарной участи, ожидающей человечество. Записи приведены в порядок, и я могу спокойно умереть, поскольку вынести больше не могу, а более всего на свете боюсь заболеть и умереть естественной или случайной смертью.

Примечание

Я рад возможности опубликовать в издании, столь широко читаемом медиками-профессионалами, рукопись вдовы профессора Блэра.

Без всякого сомнения, ее рассудок помрачился от скорби после смерти мужа; медицинский работник, который навещал его во время последней болезни, был обеспокоен ее состоянием и решил наблюдать за нею. Она пыталась (безуспешно) купить динамит в нескольких магазинах, а затем пришла в лабораторию своего покойного мужа и хотела изготовить хлорид азота, – очевидно с целью самоубийства; там она была задержана, признана невменяемой и помещена под мою опеку.

Этот случай представляется необычным в силу нескольких обстоятельств:

1) Я ни разу не замечал, чтобы она неверно оценивала какой-либо из доступных проверке фактов.

2) Без сомнения, она умеет читать мысли самым удивительным образом. В частности, ей удается предсказать приступы буйного помешательства у моих пациентов. За несколько часов до начала припадков она определяет их с точностью до минуты. В одном раннем случае мое недоверие к ее возможностям привело к опасному ранению моего сотрудника.

3) Она сочетает навязчивое желание покончить с собой (описанным ею необычным способом) с ярко выраженным страхом смерти. Она непрерывно курит, и я позволил ей окуривать ее палату по ночам тем же средством.

4) Ей, вне всякого сомнения, двадцать четыре года, но любой компетентный специалист совершенно определенно даст ей шестьдесят.

5) Профессор фон Бюле, которому были отправлены ее записки, прислал мне длинную и срочную телеграмму, умоляя освободить ее при условии, что она обязуется не совершать самоубийство и будет работать с ним в Бонне. Очень сомневаюсь, однако, что немецкие профессора, пусть и выдающиеся, могут оказывать влияние на администрацию частных лечебниц в Англии, и уверен, что Комиссия по душевнобольным поддержит меня в отказе рассматривать его просьбу.

Хочу особо подчеркнуть, что этот документ публикуется исключительно как свидетельство очень любопытной, возможно уникальной, формы душевной болезни.

В. Инглиш, доктор медицины.

Перевод Д. Волчека

Рассказ впервые опубликован в журнале The Equinox в 1912 году. Вошел в сборник

НЕДОСТОЙНЫЙ

Саймон Ифф, мистик, был самым необщительным членом Хемлок-клуба. Но все прощалось человеку его способностей и невероятного обаяния, которое он излучал, даже когда молча сидел на излюбленном месте у окна. Если кому-то удавалось разговорить его, это было настоящим триумфом. Как-то раз рождественским вечером издатель "Смарагдовой скрижали" сообщил ему, что клубный комитет изобрел немедленно вступившее в силу новое правило, согласно которому старейший из присутствующих членов клуба должен под угрозой штрафа рассказать какую-нибудь историю. Это была гениальная ложь, взывавшая к чувству юмора Саймона Иффа.

– Какую еще историю? – буркнул он.

– Расскажите, когда вы в первый раз воспользовались своей способностью распознавать природу людей.

Лицо мистика потемнело.

– Вот и поэтическая справедливость. Придется вам расплатиться за то, что дерзнули изобретать новые правила. История эта гнусная и страшная; огни героизма, горящие в ней, призваны сделать тьму еще отвратительней. Но вы должны ее выслушать, и по одной лишь причине: поскольку в результате моего вмешательства нашему клубу, а, стало быть, и всей вселенной, которая вокруг него вертится, удалось избежать неминуемой катастрофы.

I

Шлюп Его Величества «Грейхаунд» разбился в Бискайском заливе в апреле 1804 года. На борту находились депеши, адресованные сэру Артуру Уэлсли.¹⁵ Капитан Фортескью, отвечавший за их сохранность, и сержант военно-морского флота по имени Гласс спаслись при кораблекрушении. Их выбросило на сушу на северном побережье Испании. До конечной цели оставались долгие дни пути. К счастью, они повстречали дружелюбно настроенных повстанцев, и те всячески им помогли. Но удача изменила им, когда они уже были буквально в двух шагах от цели. Произошло сражение, и Массена,¹⁶ отступая, расположился так, что они оказались отрезанными от позиций сэра Артура. Узнав об этом, они поспешили в сторону гор, в надежде, что пересекут их, и, спустившись по противоположному склону, обогнут фланги французской армии. К несчастью, когда они переходили первую гряду, их заметили, и в погоню было отправлено подразделение пехоты.

Заметив это, испанский проводник немедленно сбежал. Теперь их не только преследовали, но к тому же они сбились с пути. Им было известно примерное расположение британских позиций, и оставались два часа форы; в противном случае, они были бы обречены.

Они достигли вершины второй гряды как раз в тот момент, когда их преследователи, вытянувшись длинной цепью, перебрались через первую; начав спуск, необычайно крутой – лишь узкая тропинка для мулов среди гигантского нагромождения скал, – англичане добрались до хижины, и тут тропа закончилась. Фортескью узнал это место, – накануне о нем говорил проводник; это было жилище отчаянного разбойника, за голову которого назначили высокую цену и французы, и англичане. Впрочем, выбора не было, и они вошли. Случай им благоприятствовал: разбойника не оказалось дома, оставался лишь спящий часовой. Фортескью пронзил его саблей, прежде чем тот успел схватить ружье.

¹⁵ Артур Уэлсли (1769–1852), герцог Веллингтонский, британский полководец, победитель Наполеона.

¹⁶ Андре Массена (1758–1817), французский полководец.

Англичане остались в хижине. Удастся ли здесь обороняться? Видимо, да, но не более двух часов: в случае длительной осады противник пришлет подкрепление. Вопросом жизни и смерти было отыскать выход в долину.

Хижина прилепилась к краю скалы; виднелась тропа, ведущая вниз, но, казалось, выход на нее отрезан. Глассу пришла в голову мысль, что должен быть проход через погреб. Он проворно обыскал хижину, разыскивая потайную дверь. Спустился по лестнице, и тут поиски увенчались успехом: он оказался в большом подвале, наполовину заполненном бочонками с порохом. Маленькая дверца вела на тропинку внизу.

– Скорее! – крикнул Фортескью.

– Нас поймают, – отвечал Гласс. – Давайте, я останусь здесь. Задержу их, а вы сможете уйти.

Офицер нашел предложение разумным, его главной целью было доставить депеши. Он пожал Глассу руку и пустился в путь.

Сержант военно-морского флота знал, что у него остается меньше часа, но он разработал план. Не медля, он скрутил длинный фитиль от бочонка с пороха к окну хижины, выходящему на скалу; потом разделся, снял одежду с мертвого сторожа и надел на мертвеца свою форму. Затем отыскал веревку и повесил труп в дверном проеме.

Он надел лучшее платье разбойника; и, решив скрыть признаки мужественности, закутался в широкую мантилью. Он был гладколицым симпатичным пареньком, и, укрытый шалью, вполне мог сойти за испанскую девушку – до пояса.

Он занял позицию у окна возле двери, так что нижняя часть его тела не была видна, и стал дожидаться преследователей. Они появились, когда уже смеркалось. Командир быстро оценил ситуацию, как он ее понимал. "Где второй?" – крикнул он. Гласс божественно улыбнулся. К несчастью, он знал лишь несколько иностранных слов. Но прижатый к губам палец и приглашающий жест успокоили преследователей; они спустились по тропинке и ввалились в хижину. "Где же девушка? – крикнул командир. – А вдруг это ловушка? За оружие!" Прежде, чем он успел закончить, Гласс, сбежавший в нижнюю комнату, поднес огонь к фитилю. "Пусть Самсон погибнет с филистимлянами!", – взревел он и в ту же секунду выпрыгнул из окна.

Хижина взлетела на воздух; все, кто был внутри, погибли, а Гласс очутился на пятьдесят футов ниже в колючем кустарнике, одна рука была сломана, на теле множество ссадин, но, в целом, ему повезло.

На следующий день он спустился в долину, и сердобольный пастух провел его окружным путем к британским позициям.

Его встретили, как героя: Фортескью видел взрыв и рассказал о доблести товарища. Но рука сержанта не проходила; из-за отсутствия лечения началась гангрена, и в ту же ночь хирург отнял ее до плеча.

Сэр Артур Уэлсли лично пришел в госпиталь поздравить отважного парня. "Радуйся, что это левая рука, – сказал он грубовато. – Нельсон потерял правую. А ты получишь звание лейтенанта действующей армии". Гласс был в восторге; утрата руки казалась пустяком, раз он мог носить на этом боку саблю, эполеты на плечах и называться офицером и джентльменом отныне и навсегда.

II

Лейтенант Гласс, получивший шестимесячный отпуск в конце кампании 1805 года, вернулся на ферму своих родителей на северо-западном берегу Лох-Несса и обнаружил, что его мать с отцом скончались. Друг в Инвернесе уже предупредил его, когда он проезжал этот город, но благочестие заставило Гласса продолжать путь, хотя он мог провести отпуск где угодно.

Это был двухкомнатный каменный домик, стоявший высоко над озером на вересковой пустоши. Дальше на запад тянулись пустынные склоны Милфурни; внизу мрачные воды

озера ревели холодной злобой горской зимы.

На несколько миль другого жилья в округе не было.¹⁷ К ферме примыкал небольшой участок возделанной земли, дающей после мучительных трудов немного овса и картофеля, больше ничего.

Помещик, грант Гленмористонский, послал человека охранять ферму в отсутствие Гласса. То был крепкий парень шестнадцати лет, работающий и замкнутый; он содержал домик в идеальном порядке и возделывал землю так хорошо, как только возможно в столь неприветливых местах. Гласс сделал его постоянным садовником и слугой, но присутствие парня лишь подчеркивало, а не скрашивало одиночество. Между тем, в первое воскресенье, когда лейтенант спустился в церковь Стрэт-Эррика, он обнаружил, что к нему приковано внимание всего прихода. Даже священник Чизхолм, суровый и ограниченный кальвинист старой школы, благожелательно упомянул его в проповеди, а, когда служба была закончена, триумфально отвез офицера в пасторский дом, чтобы тот разделил с ним на редкость скромную трапезу, которую шотландцы, опасаясь прогневить Всевышнего, позволяют себе в воскресный день.

Чизхолм был вдовцом. У него была единственная дочь, тощая и ледяная, с прямой спиной, тонкими губами, острым носиком, скверными зубами и жадными глазами. Но ее плоская грудь чуть не лопнула, когда, точно озарение, возникла идея выйти замуж за лейтенанта Гласса. Это был способ выбраться из кошмарного захолустья; Гласс, хоть и без одной руки, был мужчиной видным: герой, дважды упомянут в депешах с тех пор, как получил звание; скоро предстоит его главная военная компания. Повышения в те дни происходили очень быстро. Капитан, майор, полковник! – возможно, даже генерал Гласс. Ей казалось, что Стрэт-Эррик остался далеко на севере; взамен же – представление ко двору, всевозможные социальные привилегии; вероятно, монарший визит или нечто подобное под конец, и унижение местных помещиков, вечно смотревших на дочь священника свысока. Вскоре она узнала, что в запасе еще четыре месяца, чтобы поймать добычу: у нее, бедной простолюдинки, не оказалось соперниц в округе; у Гласса, фермерского сына, несмотря на его эполеты, было так же мало возможностей найти себе пару из местной аристократии, как и у нее. Она принялась за дело с предельной основательностью и настойчивостью: заручилась поддержкой отца и приступила к осаде Гласса всеми мыслимыми способами.

Лейтенант, конечно, понимал, что мог бы заключить куда более удачный брак. В лондонских салонах хватало невест получше, а его крестьянское прошлое там не было известно. Лондонским мамашам все горцы кажутся помещиками. Но инстинкт, заставивший его поселиться на заброшенной ферме, ныне вынудил отказаться от переезда в Лондон. Его тянуло к земле; вскоре он решил закрепить еще один якорь в грунте и в марте 1807 года женился в церкви Стрэт-Эррика на Аде Чизхолм. Через месяц он вернулся в полк; медовый месяц они провели в Эдинбурге и расстались в Лите:¹⁸ жена вернулась в отцовский дом, он же отправился на новую военную кампанию в Европе.

В том же году он получил звание капитана; прошло еще два, прежде чем он снова увидел жену. Летом 1809 года он вновь отличился на поле брани и был произведен в майоры. Тяжелое ранение на три месяца приковало его к больничной койке; после выздоровления он подал прошение и на полгода получил увольнительную по состоянию здоровья.

Его жена была полна энтузиазма: она проделала долгий путь в Лондон для встречи с ним, и он устроил ее представление ко двору. Столичная роскошь вскружила ей голову, и она решительно воспротивилась намерению мужа провести полгода в Шотландии. Вместо этого они решили поехать в Бат, и светские соблазны курорта привели Аду в восторг.

¹⁷ другого жилья не было – А. Кроули описывает окрестности принадлежавшего ему поместья Болескин-хаус.

¹⁸ расстались в Лите – Ныне портовый район Эдинбурга, во времена Гласса бывший городом.

Гласс вовсе не был влюблен в жену; сексуальности в ней было не больше, чем в овсяной лепешке, но он был простодушен и хранил твердые представления о чести. Так что он был верен ей во время разлуки, для нее же вкус измены был не слаще сорной травы.

Они покинули Бат в декабре 1809. Они были расточительны, и воленс-ноленс Аде пришлось вернуться в отцовский дом. Возможно, через год или чуть больше он получит полковника; к тому времени должна закончиться война, и остаток дней они смогут в довольстве провести в Лондоне или в уютном гарнизонном городке.

В июне 1810 Гласс получил от жены письмо с известием о рождении сына. Она предложила назвать его Джошуа, поскольку его отец был таким хорошим капитаном.¹⁹

Рождение Джошуа полностью переменило Гласса, – так меняет человека пристрастие к наркотикам или душевная болезнь. Он знал, что до звания полковника придется еще долго ждать: единственный шанс на свете – взять Наполеона в плен голыми руками. Его быстрое продвижение по службе вызывало ненависть бездарных снобов-офицеров, а исключительная скромность поведения только шла ему во вред. Они ненавидели его, как благородство без удачи умеет ненавидеть удачу без благородства. Даже Веллингтон, не упускавший его из виду, не мог препятствовать столь яростному сопротивлению. Сослуживцы Гласса подстраивали ему одну ловушку за другой, и только шотландская осторожность помогла ему устоять.

Эти рассуждения укрепили его в одном важном решении. Он должен скопить десять тысяч фунтов. Если все сложится удачно, Джошуа сможет поступить в Итон с хорошим состоянием. Мало-помалу Гласс, открытый, свободный и легкий человек, превращался в скрягу. Вместо того чтобы повесить денежное содержание жене, он его урезал. И каждый пенс, который удавалось сэкономить, посылал знакомому банкиру в Эдинбург, обещавшему удвоить его сбережения за два года. Сразу скажу, чтобы не направлять вас по ложному следу, что банкир сдержал слово.

III

Ну что, пока это не такая ужасная история, верно? И, кажется, трагического в ней тоже немного. Что ж, двинемся дальше.

После того, как Наполеон был заточен на Эльбе, майор Гласс воссоединился с женой. На этот раз никакой поездки в Бат не было. В домик были куплены лишь самые необходимые для Джошуа вещи; Гласс сам возделывал землю и продавал урожай.

Ада страстно этому противилась; открытой ссоры не было, но яд в душе она затаила.

– У меня в банке шесть тысяч фунтов, – рассуждал Гласс, – но на полк надежды нет, раз кончилась война. Давай год-другой будем экономны, скопим десять тысяч, а потом сможем жить, как благородные люди, а мальчику обеспечим карьеру.

Она понимала, что план благоразумен и не решалась спорить, но жаждала светских развлечений, как обычно свойственно тем, кто рожден без права на них.

Здоровье мальчика не вызывало никаких опасений, он рос, как обычный горец, но его характер беспокоил отца. Джошуа был молчалив и угрюм, медленно учился говорить, и, похоже, отличался рассеянностью. Он предпочитал не играть, а лежать или сидеть, глядя на родителей. Да и играл он не просто и бесцельно, как другие дети. Даже, когда он ломал игрушки, он не плакал и не смеялся: просто сидел и глядел на них.

Майор Гласс вернулся в полк в конце 1814 года; жена его вновь поселилась у отца. Но месяц спустя священник заболел и в марте скончался. В домике поселился другой священник, и миссис Гласс пришлось вернуться в хижину на вересковой пустоши. На жалком подобии фермы по-прежнему работал парень, а его сестра взялась заботиться о

¹⁹ был таким хорошим капитаном – Джошуа называли в честь Иисуса Навина, которого называют "the Great Captain of Jews".

Джошуа и помогать по хозяйству.

В 1815 году майор Гласс участвовал в решающих сражениях в Бельгии. Тут-то и обрушился удар судьбы, превративший его простую историю в кошмарную трагедию, которую, по вашему настоянию, я решился поведать. Майор командовал последним отрядом, защищавшим изрешеченные пулями стены Угумона, и поднял бойцов на сопротивление отчаянной попытке Наполеона отбить этот важнейший для него замок. В одном месте британские позиции были смяты, и Гласс с горсткой резервистов возглавил наступление и разбил передовой отряд французов. Но тут удар сабли убил его телохранителя, а следующий отрубил Глассу правую руку. Его поспешно отнесли на разрушенную ферму и перевязали рану. Увидев, что его войска отступают, Наполеон приказал начать еще одну артиллерийскую атаку; пушечное ядро, пробив стропило, снесло остатки крыши. Тяжелое бревно упало на ноги майора и раздавило их.

Богатырское здоровье не позволило ему умереть. Беспомощный, но совершенно здоровый торс несколько месяцев спустя привезли в хижину над Лох-Нессом. Его жена задрожала от ужаса – вполне понятного ужаса, несомненно. Только когда он сказал ей, что, по словам хирурга, сможет протянуть еще лет пятьдесят, она поняла, что за катастрофа ее ожидает. Все ее планы на будущее рухнули: она будет привязана к живому трупу в жалкой лачуге, скорее всего, до конца своих дней. "Теперь, с половиной жалованья, – размышляла она, – сколько же придется ждать, чтобы скопить десять тысяч фунтов?".

IV

Будь Ада Гласс женщиной умной, неважно доброй или злой, она бы быстро нашла какой-нибудь выход. Но мысли ее были медленными и косными, а сердце ослепила тупая ненависть. Ее жизнь была бесконечной тусклой, особенно после смерти отца; теперь в этой пустоте медленно росло чудовище. И муж понял ее прежде, чем она сама поняла себя. Однажды, когда Ада рассчитала помогавшую ей девушку, сказав, что теперь придется экономить больше прежнего, он поймал себя на мысли, что она собирается убить его. Быстрый разум Гласса подсказал способ защиты. Он позвал парня Эндрю, теперь уже крепкого мужика двадцати шести лет, и послал его в Инвернесс за стряпчим.

С этим человеком он имел с глазу на глаз долгую беседу, в ходе которой из бумаг майора, в соответствие с его инструкциями, были отобраны несколько документов и писем.

Тем же вечером стряпчий вернулся в хижину с новым священником Стрэт-Эррика, устранившим помехи, вызванные неспособностью солдата лично подписать документы.

Позднее, когда миссис Гласс вернулась из Гленмористона, куда ее отослали, чтобы она не мешала, майор рассказал ей о том, что сделал.

Я поместил свои деньги, объяснил он, в руки двух надежных попечителей. Если мне суждено умереть до совершеннолетия Джошуа, состояние останется под процентами в банке, а ты сможешь жить на пенсию, которую будешь получать, как моя вдова. Затем капитал перейдет к нему, с рядом ограничений. Но если я выживу, ребенок будет расти под моим присмотром, и, таким образом, как только капитал достигнет десяти тысяч фунтов, мы не только дадим ему хорошее образование, но и обеспечим, пока он еще мал, достойное социальное окружение.

И снова его жена ничего не смогла возразить, но сердце ее опять сжалось.

Дни текли, и ненависть пожирала ее жизненные силы, поедала ее, точно какой-то мерзкий рак. Наконец, она сознательно начала переходить от размышлений к действиям, в надежде превратить жизнь мужа, и без того кошмарную, в сущий ад.

Вы, конечно, понимаете, что самое большое несчастье на свете – невозможность действовать свободно. Утрата органа чувств или конечности принципиально невыносима из-за ограничений, которые она накладывает на наше существование. В этом – более, чем в чем-либо другом, – кроется источник страха, который вызывает у нас слепота или паралич. Помните рассказ Ги де Мопассана про слепого, которому родственники устраивали гадкие

розыгрыши? Нам это кажется особенно жестоким, потому что жертва беззащитна. Но скажу вам, что самые свирепые и безжалостные дикари на свете – шотландские горцы. Доктор Фрезер приводит немало примеров на редкость злобных суеверий,²⁰ бытующих и по сей день, когда мы сидим в Хемлок-клубе. "Поскреби русского и обнаружишь татарина"? Ну, так поскреби шотландца и обнаружишь существо, которое даст сто очков вперед любому китайцу или краснокожему. Сексуальный инстинкт особо силен у кельтов; когда он развивается благородно, мы обнаружим гения, как среди ирландцев; если же он подавлен религией, как у кальвинистов, он нередко выливается в безумие или жестокость, которая сама есть форма безумия.

Но вернемся к нашему рассказу. Ада Гласс старательно взялась за дело. У тех, кто лишен подлинно артистической души, чудовищное одиночество горной Шотландии порождает жуткие фантазии, и Ада Гласс с ее бесполостью – хороший пример.

Осуществлять свой замысел она начала с небрежения. Она не сразу откликнулась, когда муж звал ее, стала скверно стряпать. Он заметил это, и неделями терзался тяжкими мыслями. Наконец, он решил покончить с собой единственно возможным способом: отказавшись принимать пищу. Она ответила танталовыми муками: принялась готовить вкусно пахнущие и аппетитные кушанья у него на глазах, так, что через какое-то время он физически не мог от них отказаться. Все это выглядело особенно бесчеловечным оттого, что сопровождалось невыразимым лицемерием обеих сторон. Ада произносила такие слова любви и нежности, которые не появлялись на ее устах и во время медового месяца.

Это был лишь первый шаг по скользкой дорожке в бездну. Вскоре Аде пришла в голову на редкость гнусная идея, возможно подсказанная муками голода и жажды, на которые она обрекла мужа. Она получала удовольствие, предлагая ему сладко пахнущие кушанья, которые на вкус оказывались пересоленными и переперченными, и взять их в рот можно было только от нестерпимого голода. Острой едой она возбуждала его жажду, а потом подсыпала соль в воду, которую он просил, чтобы утолить ее. И всякий раз она просила прощения и винила себя, всхлипывала и умоляла простить. И начинала говорить о любви – но нет! джентльмены, вы сами можете домыслить все подробности этой истории.

Наконец, через несколько месяцев после начала этой жалкой комедии, она решила сыграть на его ревности. (Прошу вас не забывать, что эти люди жили в совершенном одиночестве, без каких-либо посетителей, если не считать редких официальных визитов священника. И Гласс был слишком горд и храбр, чтобы рассказать тому, что происходит). Ада стала делать авансы садовнику. Как я уже говорил, у нее было не больше чувств, чем у кастрюли, все они были выжаты из нее кальвинизмом, но она знала, как нужно действовать. Ей было известно, как строго относится ее муж к брачным узам, так что она решила, что сможет подорвать его дух нарушением собственных обетов. Ради этого все и делалось, хотя, возможно, она и не отдавала себе в этом отчет: она хотела, чтобы герой множества военных кампаний хныкал, скулил и выл, как дворняжка. Многие женщины тешатся подобным образом.

Итак, она решила обольстить садовника. Это было несложно. Он был грубым, простым трудягой, сильным, здоровым зверем. А она соблазняла его, как те дамы в Бате своих кавалеров. Стоило ему преодолеть первоначальную робость, и он сделался ее рабом; с этого момента она принялась разыгрывать новую гнусную комедию. Ее муж должен долго терзаться подозрениями, прежде чем будет знать наверняка: такой она придумала план. Часами она наблюдала за отражениями мыслей на его лице. Вскоре она внушила своему любовнику ненависть к хозяину; и как-то раз заставила его поцеловать ее в комнате, где лежал на соломенной подстилке майор, – задолго до этого она изгнала его из кровати, сославшись на то, что ее трудно застилать. Спазм боли на его лице, гневные слова, с

²⁰ Доктор Фрезер приводит немало примеров – имеется в виду книга Ч. Фрезера "Золотая ветвь", которую ценил А. Кроули.

которыми он к ней обратился, стали свидетельством величайшего ее триумфа. Она продолжала осуществлять свой план и дошла до полного бесстыдства; садовник же, лишенный всякой чувствительности, думал, что это просто хорошая шутка в духе Боккаччо. Так продолжалось неделями, с неизменным успехом, и тут Гласс внезапно решил, что способен это стерпеть – или просто что-то в его сердце надорвалось. По крайней мере, стало очевидно, что он больше не страдает. Ее изощренность изобрела новое средство, вещь столь непотребную, что даже разговор о ней позорит человечество. Она решила растлить ребенка. Джошуа был достаточно взрослым, чтобы понимать, что ему говорят; она втайне наполняла его ненавистью и отвращением к отцу и попутно учила радостям физической жестокости. (Я предупреждал вас, что это жуткая история).

Майор Гласс, лежавший недвижно, стал ужасающе тучен. На него было страшно смотреть: огромный живот, впалая грудь, жирное измученное лицо. Четыре обрубка конечностей только добавляли отвращения. Очень легко было подстрекнуть ребенка на гадкие шутки. Теперь Ада уже сбросила маску лицемерия; она открыто подначивала сына и насмеялась, она изливала на мужа реки ненависти, давая ему понять, что вовсе не скучает по обществу в Бате и рада, что он сможет прожить еще полвека, потому что только сейчас впервые познала удовольствие. Она подстрекала мальчика втыкать длинные булавки в незащищенное тело. "Ты даже больше не свинья, – смеясь, сказала она как-то вечером. – Ты – подушечка для булавок!" И Джошуа со злодейским смехом встал, услышав ее слова, воткнул три булавки в напряженный живот и радостно кинулся к матери, подражая невольным корчам страдальца.

Эта игра возобновлялась каждый вечер. Были и промежутки, но только в предвкушении новых гнусностей. Гласс давно уже вслух молился о смерти, теперь он стал просить Аду помочь ему умереть.

– Если бы ты по-другому распорядился деньгами, я, может, об этом бы и подумала. В конце концов, мне стоило бы снова выйти замуж.

Он ответил неожиданным тоном:

– Я облегчу твою задачу. Как-нибудь вечером, когда начнется метель, спустись с Джошуа к соседям. Сделай вид, что ты больна и останься на ночь. Оставь дверь открытой, когда будешь уходить; думаю, я умру от холода. А я так хочу умереть! – Слабость его духа пробудила в ней злорадство. – Если поклянешься на Библии сделать это, – продолжал он, – я открою тебе страшную тайну. – Немедленно, почувяв нечто очень важное, она стала внимательно его слушать. – Когда я был в Испании, – продолжал Гласс, – мы расположились в замке, принадлежавшем одному гранду. Это был старик, парализованный и столь же беспомощный, как я сейчас. Его жена в первый день вторжения закопала фамильные сокровища в тайном месте. Брильянты, золотые монеты и много дорогих украшений. Как-то ночью они рассказали мне все при необычных обстоятельствах... – его голос сорвался. – Дай мне воды! Я чуть не потерял сознание! – Она принесла воды. Он продолжал окрепшим голосом: – Однажды нас атаковали французы, отряд разведки. Замок был окружен. Отступать было некуда, я и несколько человек готовились защищать себя и наших хозяев до последнего. Приходилось сдавать этаж за этажом. Но один из моих солдат, тяжело раненый, остававшийся внизу, решил пойти на крайность. Ему удалось заползти в подвал, где хранились дрова и поджечь их. Перепуганные французы поспешно бежали, я и несколько моих бойцов преследовали их до ворот. Сомнительно, что огонь смог бы разгореться всерьез, но к этому моменту плюмажи наших драгун уже исчезли вдалеке. Французы вскочили на коней и были таковы. Я вернулся в замок, и нам быстро удалось потушить пожар. Я вынес хозяйку на свежий воздух; двое моих солдат спасли старого графа. День хозяева замка провели в долгих совещаниях, а вечером сказали, что решили поведать мне о сокровище.

Если с ними случится несчастье, я должен поклясться передать письмо, которое они мне доверили, их единственному сыну, сражавшемуся в нашей армии. Я охотно согласился. Через несколько дней я поддался дьявольскому искушению и вскрыл конверт. Это был набор бессмысленных чисел, шифр; но у меня был к нему ключ. Я расшифровал письмо и пошел на

отмеченное место. Там было сокровище. Но мое сердце терзало меня: не пристало совершать грех хуже Аханова!²¹ Я снова засыпал все землей, вернулся и всю ночь молился об очищении совести.

Вскоре нам пришлось сменить расположение, мы отступали. Во время следующего наступления я решил нанести визит нашим добрым хозяевам. Но увы! Их убила банда разбойников. Как повелевали обстоятельства, я стал искать сына, но вновь было слишком поздно: он погиб в бою на третий день нашего наступления.

Я крепко хранил тайну; единожды преодолев искушение, я так и не прикоснулся к сокровищу, хотя теперь оно было моим, равно как и чьим угодно. Но ныне мною повелевает нужда, я больше не способен вынести пытку... – Его голос вновь сорвался. – Я сообщу тебе ключ, если ты сделаешь, как я сказал; и, когда я умру, ты сможешь спокойно отыскать сокровище.

Ада Гласс немедленно приняла решение. Она была нетерпелива. В конце концов, на свете есть и другие удовольствия, чем... то, чем она наслаждалась.

– Возьми Библию, – сказал Гласс, и поклянись! – Она повиновалась, не дрогнув. То был обет совершить убийство, но шотландский ум это не способно смутить.

– Хорошо, – сказал майор. – Теперь посмотри в сундучке, где лежит моя форма: шифр защит в мундире, он в подкладке левого рукава.

Его жена покорно распаковала вещи. В ее руке оказалась маленькая карта, покрытая иероглифами.

– Теперь скажи мне ключ!

Гласс едва дышал, голос его ослаб.

– Воды! – прошептал он. – Она принесла ему полный стакан, он выпил и счастливо вздохнул. – Ключ – это слово.

– Что? Я тебя не слышу. – Она подошла поближе.

– Ключ – слово. Оно в Библии. Я вспомню, если ты прочитаешь отрывок. Я отметил его в книге. Это где-то в Книге Судей. – Он явно старался говорить как можно громче, но она все равно с трудом разбирала его слова. Она принесла Библию, но для чтения было слишком темно, так что она зажгла лампу и поставила рядом с ним на пол.

– Кажется, восьмая глава, точно не помню.

– Какая глава?

– Кажется, восьмая.

– Восьмая?

– Да. – Это был тишайший шепот. Гласс был очень слаб уже несколько дней, но только сейчас это встревожило ее: а вдруг он умрет, не успев открыть тайну? Она налила немного виски и дала ему выпить.

– Ах, вот оно, – сказала она. – О Самсоне на мельнице? Тут отмечено красным.

– Да, – он по-прежнему говорил очень тихо. – Читай с этого места.

Она села у изголовья и принялась читать. После каждого стиха она спрашивала его, но он показывал, чтобы она продолжала. Наконец, она дошла до стиха "И сказал Самсон: умри, душа моя, с филистимлянами!"

– Это тут, – произнес он. – Это... – его голос совсем сник.

– Ты ведь не болен, правда? – крикнула она встревожено.

– Я умираю, – с трудом выговорил он.

– Скажи мне слово! – закричала она. – Ради Бога, не умирай прежде!

– Это... – и снова его голос сорвался.

– Ну, скажи же, скажи! – она поднесла ухо к самым его губам. Мгновенно, с молниеносной быстротой, его железная челюсть, точно тиски, сомкнулась на ее ухе. Она попыталась вырваться, вопя, но с тем же успехом она могла стараться оторвать бульдога.

²¹ грех хуже Аханова – Ахан совершил грех, взяв заклую одежду (Иисус Навин, 7:1).

Вместо этого она помогла ему повернуться к лампе. Удар культей, и пылающее масло хлынуло на соломенную подстилку.

Вопли умирающей матери разбудили Джошуа. Он вскочил с постели, вбежал в комнату и увидел два корчащихся в огне тела. Он радостно захлопал в ладоши и выскочил в метель.

– Да, жуткая история, – вскричал Джек Флинн, который и заставил ее рассказать, – но не могу понять, какое отношение все это имеет к вам и спасению Хемлок-клуба?

– Потому что, мой юный друг, у вас, как обычно, не хватило терпения выслушать до конца. События, которые я так старательно описывал, происходили во времена узурпатора Георга Третьего, так называемого. – (Таков был обычай в клубе: всегда называть Георгов узурпаторами.) – Моя часть начинается в 1850 году.

В феврале этого года в одном известном издательстве, позабыл его название, вышла анонимная книга, озаглавленная "Ревнивый Бог". Она произвела волнение в религиозных кругах. Автор, очевидно авторитет в теологии, опирался на учения викторианской науки, а главной целью его работы было завершить разрушение деизма. Он настаивал на жестокости и глупости природы, указывая, что все попытки снять за это ответственность с Творца неизбежно завершаются манихейством или другой формой дуализма; и затем интерпретировал мудрость Бога, как Его способность обманывать Своих созданий, Его силу, как Его способность унижать и пытаться их, а Его славу – как победоносное созерцание мучений и ужаса жертв. Стоит особо указать, что автор, хоть и анонимный, указывал, что он член Плимутского Братства.²²

Оригинальному еретику было предложено членство в нашем клубе, а я стал младшим членом комитета, назначенного для изучения вопроса. Я инстинктивно невзлюбил неизвестного автора и изо всех сил сопротивлялся его приему. Я доказал, что книга совершенно ортодоксальна и продолжает Иоанна III:16.²³ Я отметил, что Чарльз Хэддон Сперджен²⁴ подтвердил основной ее вывод, и что евангелические священники по всей Англии проповедуют то же самое, с незначительными отличиями, но все равно остался в меньшинстве.

– Тогда мы решили узнать, кто же является автором книги, и обнаружили, что его имя Джошуа Гласс.

Волна ужаса прокатилась по слушателям старика.

– Я отказался снимать свои возражения. Я провел расследование и выяснил факты, которые сегодня изложил вам.

– Но в правилах нет ничего против вещей такого рода! – вскричал один из присутствующих.

– Вы не позволили мне закончить!

– Прошу прощения.

– Я самым тщательным образом изучил все обстоятельства; я хотел выяснить истоки феноменов, проявленных всеми участниками истории. В конечном счете, я пришел к заключению: я начал думать, что в этом случае может существовать физическая параллель с проявленным ментальным и моральным состоянием...

– И что же? – перебил Джек Флинн восторженно, с блеском в глазах.

– Я настоял на физическом обследовании. Я обнаружил уродство столь необычное и чудовищное, что, несмотря на его человеческое происхождение, невозможно было назвать

²² член Плимутского Братства – фундаменталистская секта, к которой принадлежали родители А. Кроули.

²³ продолжает Иоанна III:16 – "Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную".

²⁴ Чарльз Сперджен (1834-92), английский баптистский проповедник.

Джошуа Гласса представителем нашей расы.

Наступила долгая пауза полного изумления. Старый маг открыл коробку, вынул длинную сигару и закурил.

– Кому-нибудь со мной по пути? – спросил он, вставая.

– Мне, если позволите, сэр, – охотно откликнулся Флинн. – Я бы хотел поговорить часок о мистицизме, а то во рту остался неприятный привкус.

Перевод Д. Волчека

Рассказ из цикла о расследованиях Саймона Иффа. Кроули опубликовал его под псевдонимом Эдвард Келли в журнале International (N12, февраль 1918). Журнал был закрыт цензурой за прогерманскую пропаганду, большая часть тиража номера с этим рассказом была уничтожена.

ТО, ЧТО НАЗЫВАЮТ АЛЛЕГОРИЕЙ

Маленький черный демон ухмылялся в своем углу. На улице жабы устроили жуткий пир возле той вещи, ужасной вещи, что валялась в тени старого собора, вещи, которая еще недавно была живым, полным сил существом, а ныне превратилась в темный, раздутый, уже начинающий разлагаться труп. И вот, труп лежал в тени старого собора, а маленький черный демон сидел в своем углу, освещенный затихающим красным огнем, облизывал узкие губы, гримасничал и кривлялся, ухмылялся и что-то бормотал. Затем он громко расхохотался и отпрянул назад, напуганный своим адским весельем. И тяжелый черный лондонский туман скрыл загадочную сцену кошмарной пеленой.

Потом настало утро, если его можно назвать утром, когда черное сменилось оранжевым, липким желтоватым цветом смерти, и в тени собора появился человек в синем. И тогда эта вещь была обнаружена. И пришли другие люди, пробравшиеся сквозь дневной мрак, и понесли ее по забитым народом улицам – улицам, где за улыбками скрывается черная ненависть, улицам, где не может жить ни один честный мужчина, где ни одна порядочная женщина не может заработать на кусок хлеба, где Дьявол царствует под одним из своих излюбленных имен, под именем Злата. И лжецы, утоляющие жажду новостей, преодолели все преграды, чтобы сообщить "правду об этой вещи". И они назвали это Убийством. Как будто Убийство – новость для Лондона, где надежды юных душ день за днем попирает золотое копыто Мамоны. И, слушайте! Оранжевое вновь стало черным, а улицы города опустели. И маленький черный демон, бормотавший и смеявшийся в своем углу, поднялся и выбрался на волю. И он ухмылялся зловеще своим возлюбленным сестрам, пробираясь по Хеймаркету, отмечая гниение под их румянами, Смерть под их краской. И он гоготал, минуя своих возлюбленных братьев, шнырявших в переулках. Ха! Как он злорадствовал! И вот он уже в темной пустой аллее, а туман гуще и темней, чем обычно. И вот он пляшет безмолвно – да! – теперь он пляшет – он так рад! – на улицах и подзывает к себе женщину, стоящую в тени. И она подходит, и он прыгает на нее и лижет ее черным языком, покрытым смердящей испариной. И она падает в тени. А он лижет и лижет ее черным языком, и одежды разлагаются на ней там, где язык касается их. А он все лижет и лижет, пока тело не превращается в черную зловонную массу, в три раза больше, чем Господь создал его, покрытую лепрозными струпами мертвой белизны. И вот дело сделано, и жабы, вскарабкавшись на труп, устраивают жуткий пир. И опять все скрыто черным туманом. А маленький черный дьявол вновь в своей нише, сидит и бормочет.

И так было день за днем, и людей охватил ужас. И обманщики насочиняли горы лжи и надавали тьму советов, столь причудливо сформулированных, что ничего невозможно было понять. И маленький черный дьявол все так же ухмылялся в своем углу.

Но минуло семь дней, и все прекратилось. И обманщики позабыли об этом и принялись сочинять новую ложь о других вещах. И жизнь продолжалась.

В то время жил в этом городе человек, пользовавшийся большим почетом. Его имя было благородным, а деньги бесчисленными. Но не было у него чести и еще меньше добродетелей. За это его почитали еще больше. И был он знаком с женщиной, у которой не было ни знатного имени, ни денег, но зато чести и добродетелей было столько же, сколько и у него. И великодушный мир полагал, что последние две вещи поважнее первых двух, и благодаря им она может получить и благородное имя, и деньги. И это удалось ей, и теперь мужчины ее почитали. А женщины ненавидели ее. И вот уже долгое время она держала этого знатного господина в рабстве, но он (не отличавшийся никакими достоинствами), устал от нее. И его друзья говорили: "Избавься от этой женщины, но каким-нибудь гнусным способом, ты останешься самым уважаемым человеком, и все будет хорошо". Ведь люди в Лондоне думают, что из-за тумана Око Всевышнего не видит, что творится в этом городе. Так что этот человек завел себе другую женщину. И та, первая, пошла за советом к своему Отцу. И тот, пылая в вечном огне, предложил ей не горевать. В комнате было темно, и женщина похолодела и сохлась как труп, в ней не осталось больше никаких следов жизни. И сердце выпрыгнуло из ее груди и вылетело наружу. И этот труп, что лежал в тени собора святого Павла, был телом ее соперницы... Так еще одно дитя ненависти было убито, и вновь на семь дней. И семь дней спустя сердце возвратилось, вернулось в ее грудь, и женщина воскресла, и ушла, и продолжала жить.

И так прошел год, пока не наступила годовщина первого дня этого рассказа. И эта женщина веселилась за ужином и напилась. И, потеряв рассудок, вышла на улицу, стала буяннить на рыночной площади и рвать на себе одежды. И человек в синем подошел и забрал ее. Все мужчины в Лондоне пьют, да и женщины тоже, но на людях они говорят, что это ужасно, и арестовывают бедняков, пьющих на улице. И этот мужчина в синем знал, что женщина небогата, и заставил ее пойти с ним. И, когда настало утро, ее привели к тому, кто должен был судить ее. Но судья опоздал, потому что сам накануне напился и теперь страдал от головной боли. Но все же он пришел и говорил громко и витиевато, даже прочитал длинную лекцию о вреде пьянства. И пока он говорил, женщина вновь похолодела и съежилась, и из нее, как прежде, улетучилась жизнь. И лжецы немало насочиняли об этом. Ее сердце выскользнуло, как и в тот раз, высунуло черный язык, и принялось лизать и убивать. И лжецы немало насочиняли и об этом тоже. Прошло семь дней, женщину похоронили, и на ее могиле начертили знак Креста. А знатный человек, догадавшийся, что это она, поставил на могиле мраморный крест. И, когда минуло семь дней, маленький черный дьявол перестал бормотать, вернулся и искал ее. Но не смог найти, а, отыскав могилу, не сумел миновать крест. И он принялся скитаться по значным местам, но ничего не обрел. И тогда он направился к Патриарху падших душ Лондона. Тот был печален, потому что, объяснял он, "мое дитя выросло, и мне нечего делать. Я больше не нужен здесь". "Давай улетим? – предложил маленький черный демон, бормоча и гримасничая. – Давай улетим куда угодно?" "Да, – взвыл старый Патриарх, с ужасным грохотом хлестнув разветвленным хвостом, – прочь из этого тумана". Ведь жирный черный туман по-прежнему окутывал город. "Давай отправимся туда, где мы сможем уничтожить добро?" И они взлетели и помчались по темным улицам все дальше, и дальше. И унеслись очень далеко.

Перевод Д. Волчека

Рукопись рассказа хранится в архиве Эдварда Ноэля Фицджеральда, получившего ее от брата первой жены А. Кроули Джеральда Келли. Вероятно, это самый ранний из сохранившихся рассказов Кроули (1903–1904). Впервые опубликован Джenezисом Пи-Орриджем во втором издании сборника Кроули "Военная хитрость и другие рассказы" (Temple Press, 1990).

ВСЕГО ЛИШЬ СОБАКА

Собака даже не была его собственной. Он говорил, что она лает, что у нее чесотка. Почти все собаки лают; да если бы у нее была хоть десятая часть болезней, которыми страдал он, было бы милосердным ее убить. Но что за дело старику до этой собаки? Это ведь был пес ее брата, любимец ее матери.

Анна поднялась в мой номер в гостинице. Я объяснил правду (Божескую, а не человеческую) портье, так что проблем не возникло. Кроме того, в Америке можно решить любой вопрос, если говоришь с английским акцентом. Она принесла мне письмо от своей матери. Я ничего не знал о Джоке – так звали пса – только слышал, что с собакой какие-то проблемы. Теперь все выяснилось. Х – ее муж (правда, супружеские обязанности он исполнять не мог, был раза в два ее старше и полный инвалид) – ненавидел всё и вся, и себя самого заодно. Он слегка походил на графа Генези, только без всякого благородства чувств. Было в нем что-то и от Гвидо Франческини²⁵ – и, признаться, это-то меня больше всего и пугало. Теперь его ненависть обрушилась на собаку. Обманщик и трус, он долго скрывал правду, утверждал, что за собакой присматривают или что он кому-то ее отдал – О! он готов был изобрести любую пристойно выглядящую ложь. Но теперь всё открылось: в конце концов, он признался Анне, что убил собаку. Так что Анна пришла прямо ко мне. Бедный маленький Джок. Если он и вправду лаял, что с того? Через несколько дней старик все равно бы уехал – на Запад, кажется – и, молюсь Богу, никогда бы не вернулся.

Конечно, он сумасшедший. Порой я подозревал размягчение мозга. Смерть брата в прошлом году оказалось для него сильным потрясением. Ему чудилось, будто брат зовет его – это, сомнений нет, признак безумия. Без всякого повода он впадал в гнев или начинал рыдать.

На редкость мерзкий старик. Он даже пытался затащить в постель сестер Анны (а мне угрожал судом за аморальное поведение). Конечно, в этом все и дело: он сумасшедший. Соседи были готовы дать показания; да если он хоть что-то против нас предпримет, мы отправим его в лечебницу или куда-нибудь еще. Тогда Анна без малейших колебаний сможет с ним развестись. Единственное, что ей мешало до сих пор – чувство долга. Добрая душа! Она лучше будет страдать сама, чем причинит боль злейшему врагу. Вот она и оказалась в плену этого монстра, и я столь ценил ее чистое сердце, что не стал убеждать ее поступить по-другому. Но мои-то руки ничем не связаны: я могу ее освободить (Боже! Боже! Молю Тебя о ее свободе). Пока же я не причиню ему зла. Хочу лишь покончить с его несчастьями. Он ведь ничтожество, как и всякий, кто исполнен ненависти. Когда она встретила меня и полюбила (с первого же взгляда), а потом вернулась к нему, он сразу же догадался, что она счастлива и возненавидел ее еще больше. Боюсь только, что безумец решится на насилие, что он может убить ее, как убил бедную собачку.

Не знаю, кто из нас заплакал первый. Я сидел в большом кресле, Анна стояла у стены, сжав руки за спиной. Она рассказала мне всё – просто и печально. Да, наверное, я заплакал первый, потому что она подошла ко мне, увидела, что я борюсь со слезами, опустилась возле меня на колени, обняла, ласкала и утешала – нам было так горько. Мы оба потеряли над собой контроль, и минут десять плакали, обнявшись. Мне было так стыдно, глупо ведь плакать из-за собаки, которую даже не видел ни разу. Но вся это история была столь жестокой и бессмысленной, что казалось притчей о самом мироздании. В наших слезах таилась мировая скорбь, это точно.

Пришла пора мне взять себя в руки и утешать ее – Господь дал мне силы это сделать. *Amor vincit omnia.*²⁶ Но я до сих пор потрясен злодеянием старика; даже теперь, несколько месяцев спустя, не могу думать об этом без боли в сердце. Но была и капля блага среди всего

²⁵ Граф Гвидо Франческини убил свою юную жену Помпилию и ее родителей и был казнен в 1698 году в Риме. Его истории посвящена поэма Роберта Браунинга "Кольцо и книга".

²⁶ Любовь побеждает всё (лат.)

этого зла: Анна понимала, что у меня нежное детское сердце, и я нисколько не стыдился того, что плачу. Скорее, стыдно было бы не заплакать. К тому же этот случай помог ей найти в себе силы, когда наступил настоящий кризис.

Старик собирался уезжать, вроде бы через неделю, так что ее сестра и я готовы были безотлучно находиться дома, чтобы не упустить шанс. Вот и Джок, который был всего лишь собакой, и лаял, и страдал чесоткой, нашел тех, кто готов был за него отомстить.

Но все же странные создания эти женщины! Мать Анны написала полное слез письмо, такое простое, такое страстное: "Где моя собака? Верните мою собаку". Но собаки уже не было на свете. Анна ответила, что монстр во всем сознался, и тогда мать решила преуменьшить трагедию – она написала, что в конце концов, Джок был "всего лишь собакой".

Но я не таков; я не забуду Джок до конца своих дней, хотя никогда его не видел, и если Господь не отомстит за него, тогда это сделаю я. Всего лишь собака!

Перевод Д. Волчека

При жизни Кроули рассказ не публиковался. По мнению исследователей, сюжет связан с отношениями Кроули с Жанной Фостер (Soror Hilarion, "Кошка"), мужем которой был пожилым инвалидом. В 1915 Кроули совершил путешествие на поезде из Нью-Йорка в Калифорнию в компании супругов Фостер. Рассказ впервые был издан в 1987 году отдельной брошюрой.

КОКАИН

"Где-то, где-то вдалеке есть блаженная страна"

Гимн

1. НЬЮ-ЙОРК СИТИ. Изю всех граций, толпящихся возле престола Богини Любви, всех робче и трепетней та девица, кою именуют Счастьем. Но именно за ней, самой недоступной из всех, смертные волочатся всего охотнее. Разумеется, обладание ей выпадает на долю лишь немногих мучеников и святых, безвестных для окружающей их толпы, и завоевывают ее благосклонность они лишь после того, как выжгут свое <я> каленым железом медитации и растворятся в божественном океане Сознания, покрытого густой пеною бесстрастия и блаженных видений.

Всем же иным Счастье дается лишь случайно; иногда именно тогда, когда на него менее всего уповают. Ищите, и не обрящете, стучитесь, и вам не откроют. Счастье распределяется божественным жребием: оно не присуще ничему в частности, но есть плод стечения обстоятельств. Вотще вы будете вновь и вновь смешивать ингредиенты, вотще будете стремиться пережить однажды пережитое. Сколько бы раз, и с каким бы умением и дотошностью вы бы ни воспроизводили прошлое, вас неизбежно ждет разочарование.

В то, что состояние столь метафизическое, может, тем не менее, быть в любое мгновение достигнуто без всякого тайного знания и магических заклинаний, при помощи простого зелья, поверить труднее, чем в сказку. И мудрейший из людей не знает, как сделать счастливым страдальца, который, при том, может быть молод, хорош собой, богат, здоров и любим. Но самый последний бродяга из бродяг, дрожащий от холода и голода в лохмотьях, больной, бездомный, старый, жалкий, глупый, завистливый, может испытать мгновенный восторг и упиться им. Счастье столь же парадоксально как жизнь и столь же таинственно как смерть.

Взгляните на эту сверкающую горстку кристаллов! Перед вами – гидрохлорид кокаина. Геолог, при взгляде на него, подумает о слюде; мне, альпинисту, они напоминают сверкающие перышки снега, покрывающие поверхность скал над расщелинами в ледниках, там, где страстные лобзания ветра и горного солнца, заставили лед приобрести летучесть.

Житель равнин вспомнит о первом инее, расшивающем ветви деревьев сияющими и искрящимися соцветиями стразов. Именно такими бриллиантами, возможно, украшено царство фей. Тем, чьи ноздри вкусили их – тем, кто стал их рабом и служителем – они должны казаться изморозью, образовавшейся на бороде Демона Беспредельности в тот миг, когда пар его дыхания соприкоснулся с космической стужей.

Ибо никогда еще не существовало эликсира, обладающего столь же мгновенным магическим воздействием, как кокаин. Дайте его кому угодно. Дайте его самому несчастному существу на земле, страдающему от болезненного недуга, лишившемуся веры, любви и надежды. Взгляните на его изможденную ладонь, покрытую бледной и морщинистой кожей, пожираемой, может быть, мучительной экземой, или же обезображенной зловонной язвой. Вот он насыпает на нее несколько гран этой мерцающей пыли, вот он подносит к лицу, больше похожему на обтянутый кожей череп, трясущуюся руку и одним тяжелым вздохом втягивает с нее в себя ослепительную белизну. Теперь подождем немного. Минуту, от силы – пять.

И у нас на глазах случится чудо из чудес, столь же неизбежное как смерть и столь же властное, как жизнь, чудесность которого лишь увеличивается его внезапностью и тем вызовом, которое оно бросает обычному ходу вещей. *Natura non facit saltum* – от природы никуда не денешься. Это утверждение истинно, ведь любое чудо – противно естеству.

Меланхолия улетает прочь, глаза сияют, увядшие губы трогает улыбка. Возвращаются (или же делают вид, что возвращаются) мужество и бодрость духа. Вновь вера, надежда и любовь пускаются в пляс, вновь обретается все, что казалось утерянным навсегда...

Человек счастлив:

Одному этот наркотик дарит жизнелюбие, другому – томление духа, третьему – прилив творческих сил; кому-то – неустанную энергию, кому-то – обаяние, а иному – и сладострастие. Но каждому из них он дарит счастье в том или ином виде. Подумайте только об этом: как это просто и в то же время сверхъестественно сложно! Человек счастлив!

Я объехал весь земной шар, я видел такие чудеса природы, что перо мое немеет и запинается, когда я тшусь описать их, видел я немало и творений гения человеческого, но с этим дивом не в силах сравниться ничто.

2. РАЗВЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ философского учения, бесчеловечного и циничного, которое утверждает, что Бог всего лишь злой насмешник, находящий удовольствие в созерцании ничтожности Своих творений? Какое подтверждение своим догадкам получили бы его приверженцы, будь они знакомы с кокаином! Ибо знакомый с этим зельем постигает всю глубину разочарования, иронии и жестокости, присущих реальности. Он оделяет нас даром мгновенного счастья лишь для того, чтобы затем наградить нас танталовыми муками. Даже библейский Иов не вкушал, наверное, такой горечи. Словно некий зловещий комедиант, исполненный к нам холодной ненависти, он показывает нам райские кущи лишь для того, чтобы бросить нам в лицо: <И не надейтесь туда попасть!> Неужто мало в этой жизни злосчастий, которым мы вынуждены противостоять, чтобы добавлять к ним еще и это, большее всего ранящее: знать, что ты можешь вкусить райскую радость, стоит лишь протянуть руку, но что расплатой за блаженство будут усугубленное десятикратно отчаяние?

Счастье, которое дарит кокаин, ничем не похоже на безмятежное и бездеятельное счастье бессловесных тварей: человек, охваченный им, ясно осознает, кто он есть и кем бы мог стать; оно наделяет его подобием божественности для того, чтобы он познал в себе червя и раба. Кокаин пробуждает в человеке жажду, которую уже не удастся насытить ничем иным. Он вызывает голод. Дайте испробовать этот порошок человеку мудрому, искушенному в мирских делах, сильному духом, трезво мыслящему и владеющему собой. Если он таков, каким он вам казался, кокаин не причинит ему ни малейшего вреда. Он разглядит в нем соблазн и воздержится от повторения этого опыта, а испытанное блаженство послужит лишь укреплению его решимости достигнуть сей высокой цели при помощи средств, заповеданных Господом своим святым.

Но дайте его капризному, избалованному болвану, потакающему всем своим прихотям – среднему человеку, одним словом – и он пропал. Ибо он скажет: <Это то, чего я всегда хотел!> – и кто сможет возразить ему? Ибо он не ведает пути истины, и ему принадлежит по праву лишь путь заблуждений. Если ему захочется кокаина, он будет принимать его вновь и вновь: ведь различие между жизнью гусеницы, которую он прежде вел, и жизнью бабочки, в которую кокаин превратил его, столь разительно, что душа, не посвященная в тайны философии, отказывается воспринимать первую, как ребенок отказывается пить горькое снадобье.

Он более не может выносить несчастий, ибо отныне он только так именуется повседневное существование, и посему он все чаще и чаще потакает велениям кокаина.

Но увы! сила, с которой зелье воздействует на человека, при частом его употреблении стремительно убывает. Наслаждение убывает, хотя аппетиты растут. Побочные последствия, незаметные поначалу, дают о себе знать; они налетают на жертву стайей бесенят с огненными вилами в лапах.

Единичное употребление кокаина не вызывает заметных последствий для здорового человека. В положенный час он отходит ко сну, спит спокойно и пробуждается свежим. Аборигены Южной Америки жуют листья коки перед военным походом, чтобы, не ведая усталости и голода, являть чудеса отваги и выносливости. Но делают они это только в случае крайней необходимости, после чего длительным отдыхом и обильным питанием восстанавливают растроченные телесные силы. Следует к тому же заметить, что сила духа и самообладание дикаря намного превосходит подобные же качества цивилизованного человека.

То же самое можно сказать и об обычае курить опиум, распространенном среди китайцев и индусов. Все его курят, но мало у кого привычка переходит в порок. В этом смысле там он не опаснее для общества, чем в наших широтах табакокурение.

Но те, кто злоупотребляют кокаином ради удовольствия, которое он доставляет, скоро познают на себе месть природы, хотя и пытаются изо всех сил не замечать ее ударов. Нервы изнашиваются от постоянного возбуждения, отсутствия должного отдыха и питания. Ведь даже загнанная лошадь рано или поздно перестает откликаться на понукания шпорами и хлыстом: она просто спотыкается, валится на землю без сил и хрипло дышит, пытаясь вернуться к жизни.

Раба кокаина ждет та же судьба. Каждый нерв его кричит о пощаде, но на крики эти он отвечает только увеличением дозы излюбленного яда. Однако лечебное воздействие более не наступает, в то время как признаки отравления становятся все заметнее. Нервы более не выдерживают. Жертва начинает испытывать галлюцинации. "Смотри! Там, на кресле, серый кот лежит! Я тебе раньше не говорил, но он здесь уже давно вертится".

Ах, да – и еще крысы. "Я обожаю смотреть, как они бегают по шторам. Разумеется, разумеется – я знаю, что они не настоящие. А вот та, которая на полу – та настоящая. Я тут ее как-то раз чуть не убил. Эта та самая, я ее узнаю. Она как-то ночью еще на подоконнике сидела".

Такова эта мания еще в своем зародыше. Как только проходит наслаждение, оно тотчас сменяется своей противоположностью, точно также как Эрос сменяется Антиэросом.

"О нет, ко мне они подходить боятся". Но проходит несколько дней, и вот они уже бегают по коже бедняги, вгрызаясь в нее непрестанно и мучительно, не ведая ни пощады, ни сострадания.

Воздержимся от описания конца, который неизбежен, хотя и наступает иногда спустя значительное время, ибо пути пагубного пристрастия зачастую извилисты и иногда умственное расстройство на время оставляет пациента в покое, особенно если вынужденное воздержание на некоторое время смягчает проявления недуга. Но как только в распоряжение одержимого вновь попадает желанный порошок, он, с удесятенным рвением набрасывается на него, закусывает удила и скачет во весь опор навстречу гибели.

Но смерти предшествуют поистине адские мучения. Нарушается привычное ощущение

времени, так что часовое воздержание оказывается в сознании кокаиниста равным столетию пыток для человека с естественным восприятием вещей.

Психологи еще находятся в неведении о том, каким образом здоровой мозг добывается того, что мы воспринимаем и хорошее и плохое в жизни с достаточным равнодушием. Чтобы ощутить это, попробуйте попоститься день или два, и вы сразу почувствуете тупую боль, которым сопровождается вся деятельность организма. Если же пост ваш называется воздержанием от наркотика, то ощущение это возрастает многократно, упраздняя в сознании даже самое течение времени, так что жертва начинает испытывать поистине метафизические вечные муки ада, которые, в сущности, есть погружение смертной души в беспредельность, лишенную божественного присутствия.

3. МНОГОЕ ИЗ ТОГО, ЧТО Я ГОВОРЮ давно и хорошо известно; если я и рассказываю это, как нечто новое и небывалое, то исключительно ради того, чтобы усугубить драматическое воздействие, поскольку все искусство трагедии – да и комедии в ее высших формах, каковые доступны лишь таким вознесшимся над суетой рода человеческого великанам как Аристофан, Шекспир, Бальзак, Рабле, Вольтер и Байрон – заключается в том, чтобы сострадая людским бедам, поэты, в то же время, с презрительным высокомерием взирали на тщетные потуги смертных избежать судьбы.

Поэтому, дабы избежать упреков в односторонности, подчеркну тот факт, что многие из лучших людей, да и не они одни, используют это зелье и некоторые другие с пользой для себя и всего рода людского. Как те самые индейцы, о которых я говорил, они применяют его лишь в тех случаях, когда от них требуется нечеловеческое напряжение усилий. Так, к примеру, Герберт Спенсер, принимал ежедневно морфин, никогда не превышая самому себе назначенную дозу. Уилки Коллинз также избавлял себя от страданий, причиняемых ревматической подагрой при помощи лауданума, что не помешало ему оставить нам непревзойденные шедевры своего пера.

Некоторые зашли чересчур далеко. Бодлер распял свое тело и душу на кресте любви к человечеству; Верлен под старость стал рабом абсента, повелителем которого он себя считал. Фрэнсис Томпсон погубил себя опиумом, как и Эдгар Алан По. Джеймс Томпсон добился того же при помощи алкоголя. Менее известны, но похожи, истории де Куинси и Х. Г. Людлова, которые пали жертвами лауданума и гашиша, соответственно. Великий Парацельс, открывший водород, цинк и опиум, намеренно использовал сочетание больших доз алкоголя с уравнивающим их тяжелым физическим трудом для того, чтобы пробудить творческие силы своего мозга.

Кольридж все самые лучшие свои стихотворения создал, находясь под воздействием опия и в том, что окончания <Кубла Хан> так и не было написано, мы должны винить исключительно докучливого <человека из Порлока>, да будет имя его навсегда проклято в истории человеческой расы!

4. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО МНОГИМ ОБЯЗАНО ОПИУМУ. Стоит ли роптать при этом на то, что он иногда отнимает жизнь у тех, кто бездумно прожигает ее?

Ибо статья эта посвящена обсуждению важного вопроса: должны ли наркотические зелья находиться в свободной продаже?

Здесь я остановлюсь, чтобы извиниться перед американским читателем, поскольку чувствую себя обязанным защищать весьма непопулярную и вызывающую у многих недоумение точку зрения, оказываясь при этом в незавидном положении того, кто просит закрыть глаза на частности, дабы они не помешали нам узреть главное.

Увы, я полагаю, что американские законодатели пребывают в настоящий момент под воздействием сугубо ложной теории, которая утверждает, что репрессии всегда эффективнее, чем воспитание в обществе соответствующего морального духа. Я же, напротив, полагаю, что демократия, более, чем любая другая форма правления, должна доверять народу, поскольку именно такое доверие и отличает ее по преимуществу от всех

иных форм политического устройства.

Посему в сложившейся ситуации самым верным способом действия я считаю критику отрицаемой мною теории именно на том направлении, на котором она считает себя всего сильней.

Я попытаюсь доказать, что даже в самых тревожащих случаях правительство не имеет права запрещать употребление исходя из возможности злоупотребления. В том случае, если мне удастся обосновать свой подход, я хотел бы затем обсудить и некоторые практические соображения, связанные с его реализацией.

Итак, вперед на штурм крепостной стены: должны ли наркотики <вызывающие привыкание> иметься в свободной продаже?

Вопрос, который мы собираемся обсуждать, носит безотлагательный характер: ведь после признанного всеми провала закона Харрисона, в Конгрессе уже обсуждается новое предложение, которое, по нашему мнению, только усугубит и без того запущенное положение дел.

Я не буду оспаривать права людей на свободу. Свободные люди уже давно однозначно высказались в его пользу. Но кто рискнет утверждать, что желание Христа принести себя в жертву было безнравственным, поскольку оно лишило государство полезного налогоплательщика?

Нет, нет и нет – жизнь человека принадлежит только ему одному, и он вправе положить ей конец по собственной воле, если, разумеется, он тем самым не посягает и не угрожает неотъемлемым правам своих ближних.

Но в этом-то и вся загвоздка. В наши времена все человеческое общество состоит из ближних, и трудно представить действие одного, которое тем или иным способом не задевало бы интересы другого. Что ж, отлично, в каждом деле есть свои <за> и <против> – главное, суметь правильно определить, какая чаша весов перевесит.

В Америке запретительные идеи, чего бы они ни касались, раздуваются газетами преимущественно истерической направленности до тех пор, пока они не доводятся до фанатических крайностей. "Сенсация любой ценой к следующему воскресенью": приблизительно таким образом, напоминая знаменитый германский приказ о взятии Кале, выражаются редактора большинства изданий. Отсюда возникает опасность того, что любое дело корибанты прессы своими диатрибами доведут до абсурда: так, например, все они сходятся в том, что запретом лечится любая болезнь. На практике грамотный закон, который, скажем, позволяет домовладельцу иметь дома револьвер для самозащиты, но дает возможность полиции, арестовавшей на улице вооруженного гангстера, отправить его за решетку, не утруждая себя сбором доказательств о наличии у него преступных намерений, должен был бы принести пользу.

И тем не менее, в самой идее есть нечто порочное. Не так давно один человек отправил на тот свет всю свою семью, а затем самого себя при помощи винтовки, снабженной глушителем системы Максима. Естественно, газеты в один голос кричат, что следует запретить глушители системы Максима, даже не задумываясь о том, что, если бы у этого человека не было оружия, он, скорее всего, передушил бы свою родню голыми руками!

Американским реформаторам ни при каких обстоятельствах даже в голову не приходит простая мысль, что единственное лекарство от зла есть добро, то есть воспитание нравов, насаждение хороших манер и взаимоуважение, которые одни и в состоянии спасти мир, и что запретительное законодательство не просто неудачный паллиатив, но удушающая свободу химера. Более того, избыток законов ведет только к их нарушению. Он превращает всех граждан или преступников, или в полицейских или в полицейских осведомителей. Нравственное здоровье такого народа непоправимо подорвано, и чтобы восстановить его может потребоваться такое сильное средство, как революция.

Принятие закона Харрисона сделало в Америке приобретение <наркотических веществ> теоретически невозможным для неспециалиста и крайне затруднительным даже для практикующего врача. При этом в каждой второй китайской прачечной можно без

особых проблем приобрести кокаин, морфий или героин. Негры и уличные торговцы тоже вносят свой посильный вклад в этот бизнес. По некоторым подсчетам один из пяти жителей Манхэттена страдает от той или иной формы наркотической зависимости. Я с трудом верю в эту оценку, хотя жажда развлечений в крови у этих людей, равнодушных к искусству, литературе и музыке и, в силу этого, лишенных тех удовольствий, к которым прибегают более цивилизованные народы.

5. ЛЕТНИМ ДНЕМ 1909-ГО ГОДА один очень усталый человек вошел в небольшой испанский городок. Ленивая река, протекавшая через него, казалось, застыла, скованная истомой, вывесив язык, словно запыхавшаяся собака. Воздух тихо звенел от жары, а на террасе главного кафе города толпились люди, которым было совершенно нечего делать, но которые, при этом, были полны решимости как-то убить время. Они пили грубое вино Пиренеев или же <Риоху>, привезенную с юга и щедро разбавленную водой, или же склонялись над кружками со светлым пивом. Если дать прочесть этим людям обращение генерала О'Райана к американским солдатам, они бы решили, что автор его сошел с ума.

Алкоголь, употребленный в виде пива, вина, виски или в ином другом, делает человека бесполезным. Действуя на каждого иначе, он приводит в конечном итоге к одному и тому же результату – употребивший его на некоторое время ведет себя не присущим ему обычно образом. Кто-то становится рассеян, кто-то драчлив. Одни, выпив, говорливы, других тошнит, третьи засыпают на ходу, а некоторые становятся неумеренно похотливы.

Что касается нас, то мы поспешно направлялись, в общем-то, в Мадрид, и знали, что спустя неделю, месяц, в крайнем случае – год, мы обязаны очутиться там, подчиняясь трубному зову долга.

Однако мы решили на время позабыть о нашей цели. Мы сели за столик и принялись обмениваться новостями и мнениями с местными жителями. Поскольку мы сказали им, что спешим, они приняли нас за анархистов и испытали немалое облегчение, когда мы разъяснили им, что мы всего-то на всего <полоумные англичане>. Нам было так хорошо среди этих людей, что я до сих пор корю себя за то, что мы все-таки направились в Мадрид.

Если вы очутитесь на званом обеде в Лондоне или Нью-Йорке вас немедленно поглотит пучина безмерной скуки. Никого ничего не интересует, никто не блистает остроумием, все томятся как люди на станции, ждущие поезда. Чтобы преодолеть царящее уныние в Лондоне вы можете опрокинуть бутылку шампанского, а в Нью-Йорке загрузитесь под завязку коктейлями. Легкие вина и пиво, царящие в Европе, которые положено пить в умеренных количествах, здесь не уместны: ни у кого нет времени на простое человеческое счастье, вместо которого положено изображать возбуждение. Обедая в одиночку или в компании друзей можно обойтись бургундским или бордо: ты счастлив всю ночь напролет и никуда не торопишься. Но у жителя Нью-Йорка нет времени на такую вечеринку! Он чуть ли не жалеет о том, что рано или поздно его офис закрывается и он вынужден покинуть его. Мозг его переполнен планами. Поэтому на <удовольствия> отведено не больше чем полчаса, что вынуждает беднягу употреблять как можно более крепкие сорта горячительных напитков и по возможности в быстром темпе.

Теперь представьте себе этого мужчину – или женщину – все время пребывающего в спешке, все время куда-то опаздывающего, так что у него не остается и десяти минут на вышеупомянутые удовольствия, или же он стесняется в открытую употреблять алкоголь. Для такого кокаин – истинное спасение, ибо он оказывает немедленное воздействие и не имеет запаха, так что даже церковный староста не учует его.

Главное зло, которое приносит нам цивилизация, это ускорение жизни, которое требует от нас все более и более напряженной стимуляции нервной системы. Человеческой природе присуще желать удовольствий, но полноценное удовольствие требует времени, так что нам приходится выбирать между быстродействующим ядом и негой сиесты. Нетрудно догадаться, что в том испанском городке не было ни одного кокаиниста.

Прибавим к этому также, что, в отсутствии благотворного Климата, человеческая

жизнь тянется к теплу Общения: так что выбирать приходится еще и между быстродействующим ядом и умственным развитием. Наркоманы редко встречаются среди тех, кто всецело поглощен вопросами науки и философии, литературы и искусства.

6. ОДНАКО выслушаем и противную сторону. Поверим полиции, утверждающей, что кокаин и иные наркотики употребляются, в первую очередь, преступниками, которые без них не отваживаются пойти на дело. Однако до этого мы уже поверили полиции, когда та утверждала, что воздействие этих веществ столь пагубно, что даже способнейшие из воров, пристрастившиеся к ним, вскоре превращаются в законченных идиотов. Но если это так, то, ради всего святого, разве из этого не следует, что нужно немедленно организовать притоны, где злодеям раздавался бы бесплатный кокаин!

Нам говорят, что наркомана нельзя вылечить и сделать из него вновь полезного члена общества. Но если бы он был им раньше, он никогда не пристрастился бы к наркотику. Если даже вам удастся временно перевоспитать его, потратив на это немало времени и средств и рискуя своей безопасностью, все ваши труды растают как утренний туман, стоит только ему столкнуться со следующим искушением. Справиться с таким субъектом можно единственным способом – позволить ему провалиться ко всем чертям как можно быстрее. Дайте ему того, чего он желает, не ограничивайте его и забудьте о нем навсегда. Участь его да послужит уроком его ближним, и не пройдет и пары лет, как в обществе не останется дураков, готовых повторить его путь. А если и найдется один-другой, то позвольте и им сделать свой выбор – государство от этого только выиграет. Нравственно слабые люди представляют угрозу для человечества, на них нельзя положиться и невозможно предсказать, когда и на чем именно они оступятся. Если они будут столь любезны, что освободят нас от своего присутствия по собственной воле, не стоит хватать их за руку.

Вы скажете, что прежде, чем эти люди убьют себя, они натворят немало бед. Возможно, но они и так уже творят их.

Запретительные меры неизбежно способствуют развитию подпольной торговли, которая порождает неисчислимые беды. Тысячи граждан систематически нарушают закон, который сам же их на это и толкает, поскольку прибыли от незаконного оборота огромны, и чем жестче репрессии, тем огромнее прибыли. Вы можете запретить шелковые носовые платки, и подавляющее большинство людей скажет: <Ну и ладно, будем пользоваться льняными>, но кокаинисту нужен именно кокаин, вы не ублажите его английской солью. И, поскольку рассудок его потерял меру действительности, он заплатит за свое зелье любую цену, он никогда не скажет: <Мне это не по карману> и, если цена окажется слишком высокой, он начнет красть, грабить и убивать, чтобы раздобыть деньги. Вновь и вновь я повторяю: наркомана не переделать. Все, чего вы добьетесь, ограничив его доступ к наркотику – это создадите касту опасных и изощренных преступников, и даже, если вы всех их посадите в тюрьму, как вы докажете, что их место не займут новые?

Поскольку подпольные дилеры получают прибыли, составляющие от тысячи до двух тысяч процентов, дилеры эти крайне заинтересованы в том, чтобы ряды жертв постоянно пополнялись. Ведь нынешняя норма настолько высока, что для того, чтобы окупить мое путешествие до Лондона и обратно первым классом, мне достаточно провезти не больше кокаина, чем можно спрятать в подкладку моего пальто! Все путешествие оплачено и сверх того приличная сумма в банке в конце пути! И, не взирая на все законы и всех шпиков, я могу, ничем особенно не рискуя, продать всю эту партию за одну ночь в веселом квартале.

Еще один аргумент: запрет не может быть абсолютным, в частности, потому, что наркотики все равно должны оставаться в распоряжении докторов. В наше время среди врачей численность наркоманов превышает численность их в любом другом слое общества, к тому же многие из них торгуют наркотиками ради денег или влияния. Если вы располагаете запасом зелья, то вы становитесь богом и повелителем того, кто в этом зелье нуждается: вам принадлежат его душа и тело.

Не все люди понимают, что наркотик для его раба ценнее всех драгоценностей мира,

золота и бриллиантов; добродетельная женщина может быть выше любви к рубинам, но любой опытный медик скажет вам, что не существует женщины столь добродетельной, которая попав в зависимость от наркотика, не продала бы свое тело первому встречному оборванцу за понюшку порошка.

И если нам не лгут, утверждая, что одна пятая часть населения употребляет наркотики, тогда этот забавный островок, на котором мы живем, ждут впереди весьма веселые времена.

Вся абсурдность запретительного подхода может быть показана на примере Лондона и других европейских городов. В Лондоне любой домовладелец или иное достаточно ответственное лицо может покупать любые снадобья так же свободно, как сыр, при этом следует отметить, что Лондон отнюдь не переполнен буйными сумасшедшими, нюхающими кокаин на каждом углу, в перерывах между взломами, изнасилованиями, погромами, убийствами, должностными преступлениями и подлогами, что, как нас заверяют, должно неизбежно произойти в случае, если свободные люди будут по-прежнему пользоваться своими законными правами и свободами.

Оправдать запретительный подход можно только в том случае, если нам докажут, что нравственные качества жителей Соединенных Штатов немногим выше, чем у тех самых свиней, в которых Христос вселил бесов, изгнанных им из бесноватого.

И хотя я вовсе не придерживаюсь этого мнения, даже если бы дело обстояло именно так, я по-прежнему бы продолжал утверждать, что запретами ничего не добьешься. Если вы хотите победить эту болезнь, дайте людям пищу для ума, развейте у них амбиции, несводимые к некоторой сумме в долларах, установите шкалу преуспевания, основанную на вечных ценностях, одним словом – образуйте их.

Если же, несмотря на все ваши потуги, ничего не изменится, позвольте им травить себя кокаином – большего они не заслужили.

Перевод Ильи Кормильцева

СЕРДЦЕ СВЯТОЙ РУСИ

Перевод с английского Александры Фоминой и Марии Мамыко

Предуведомление к публикации

Алистер Кроули (1875–1947) не нуждается в представлении. Сатанист, колдун, шарлатан, извращенец – вот далеко не полный перечень ярлыков, за которыми почти не видно титанической личности, человека, столь щедро одарённого Творцом, что в ослеплении собственного могущества он провозгласил себя исчадием ада. Наиболее глубокие аналогии возникают здесь с другим титаном – Ницше. Как и «мученик познания», Кроули отнюдь не был озабочен проблемой личного спасения. «Мне легко представить себе, что на смертном одре я буду всецело поглощен страстным желанием прикоснуться к миру иному – как мальчик, умоляющий женщину о первом поцелуе», – скажет он в одной из автобиографий. Поискам Знания об Ином была посвящена вся жизнь Кроули.

Захватывающие дух приключения, – а их в этой жизни было немало (достаточно вспомнить магические операции, для проведения которых выбирались пустыни, и восхождения на Гималайские пики), – лишь проявление напряжённой работы по выходу за пределы. Правильнее было бы говорить о выходе за Предел, ибо чрезмерность и чрезвычайность, столь характерные для внешних обстоятельств жизни Кроули, вполне отражают глубокое стремление трансцендировать, ступить за порог, перейти через границу. Путь на Восток, предопределённый установкой на трансценденцию, закономерно приводит Кроули в Россию.

В 1910 г. Кроули посещает Петербург, но этот самый нерусский из городов России не производит на него впечатления. Через три года Кроули знакомится с Москвой и проводит

здесь шесть недель, отмеченных большим творческим подъемом: именно в Москве он пишет «Гностическую мессу» и завершает одно из самых известных своих стихотворений, «Гимн Пану». Впечатления от города находят поэтическое выражение в произведении «Град Божий». Этот опус, название которого отсылает к главному труду Блаж. Августина, написан о Москве и в Москве. Однако наиболее ёмкая характеристика города дана в прозаическом эссе о том же путешествии, написанном после его завершения. Одного только названия текста достаточно, чтобы понять, что реальный Кроули чрезвычайно далек от того образа, который православный человек мгновенно ассоциирует со словом «святотатство». Сам же текст, по гордому признанию автора, «вернее раскрывает душу России, чем любая из вещей Достоевского». Тоской по уходящей из мира святости и любовью к одному из её последних оплотов проникнуто эссе «Зверя Апокалипсиса».

По-видимому, Кроули достаточно рано осознал, что срежиссированный им образ закрывает возможность объективного воздаяния, даже посмертного: «Совесь мира столь замутнена виной, что исследователя ересей всегда полагают еретиком, как если бы врач, изучающий проказу, непременно должен был быть прокажённым». Настоящая публикация призвана хотя бы отчасти восстановить раз нарушенное и по сей день традиционно нарушаемое равновесие.

Али Тургиев

СЕРДЦЕ СВЯТОЙ РУСИ **часть первая**

«Выше Москвы только Кремль, выше Кремля только Небеса»
русская поговорка

I

Такие хорошо подготовленные и непохожие друг на друга наблюдатели, как фон Мольтке и Теофиль Готье, сошлись в своем восхищении этим чудесным городом. И, как следовало ожидать, природно-оригинальный ум полководца нашел более сильные выражения, чем ум эксперта словесности.

Описание Собора Василия Блаженного, данное Готье, – это яркая в своей образности, но слабая с точки зрения смысла фотография: «Можно сказать – исполинский мадрепоровый коралл, колоссальное кристаллическое образование, перевернутый грот со сталактитами».

Описание города, сделанное старым воякой, ограничивается одной фразой, исполненной внутренней правды: «Кажется, что ты перенесся в один из тех городов, которые могут быть созданы только воображением и никогда не встречаются в реальности».

Я надеюсь, что многие из нас, и в частности лорд Дансени и г-н С. Сайм, видели эти города – плод воображения. Чем больше мы путешествовали по свету, тем сильнее становилась наша неудовлетворенность. Дели, Агра, Бенарес, Рим, Лондон, Каир, Неаполь, Анурадхапура, Венеция, Стокгольм – впечатления ото всех этих городов так или иначе отошли на второй план по сравнению с тем восхищением, которое я испытал, когда впервые увидел великую восточную стену Кремля, увенчанную куполами соборов, с ее навесными бойницами из красного кирпича и татарскими башнями, достигающими высшей точки в знаменитых Спасских воротах, граничащих с собором Василия Блаженного... и я воскликнул: «Вот оно, воплощение мечты, навеянной гашишем!» Ни Квинси, ни Людлоф, ни Бодлер не смогли создать ничего столь же потрясающе-фантастического, как спокойная реальность Москвы. Она не рассчитана заранее, она не подчиняется «законам искусства». Она капризно-деспотична, как Бог, и столь же неоспорима. Она не была рождена человеческим сознанием: это творение разума, изначально свободного от догмата точных наук.

Это игра воображения, воплощенная в металле и камне. Это нелепость, в которую веровал Тертуллиан. Это стихия красоты, безумная мечта поэта о небесах. Это насмешка над человеческим разумом, не ограниченная ни художественной школой, ни периодом. Она не может быть скопирована или воспроизведена, поскольку воображение даже самых великих художников и архитекторов имеет свои пределы, а их мысль – свою рутинно-привычную колею. Это неожиданное, которое всегда получает свое воплощение, и оно воплотилось: Кремль – это случайность. Сама Москва – случайность. Не было ни малейших географических предпосылок для появления этого города, равно как не было ни малейшего преимущества в его расположении. Судите сами: небольшая река, чуть ли не вдвое меньшая, чем Гарлем или Темза в районе Лондонского моста, и холм, по размерам сравнимый с Морнингсайд или Людгейтским холмом. Поднимитесь на колокольню Ивана Великого в ясный день, и со всех сторон вплоть до горизонта взгляду откроются лишь безбрежные равнины, если не считать небольшой возвышенности, с которой Наполеон впервые увидел Москву. Нет ни Везувия, ни залива с голубой водой, ни гордо вздымающегося Позилиппо, ни семи холмов – нет ничего: ни высокой горы, ни большой реки, – в общем, никакой защиты – вокруг только небо. И все-таки именно здесь появилось непостижимо-прекрасное творение высшего магического разума, внезапная кристаллизация одного из тех «варварских заклинаний», о которых писал Заратустра, расцвет порока Титанов, приговор Бога, превратившего жену Лота в соляной столп в завершение свального греха племени великанов. Ибо, подобная жезлу Вакха, увитому плющом и виноградной лозой, любая из основных форм Кремля – это фантазия на тему, перед которой само солнце – лишь жалкое подобие. Образ того, кто господствует над жизнью, того, кто дарует жизнь, щедрого, единственного, вызывающего экстаз, исполняющего обещание, видящего невидимое, божественного наместника и судьбы, движущей силы мужественности, того, кто подчиняет судьбу, – вот что получило воплощение в этой чудесной пустыне.

Собор Василия Блаженного (почему бы не сказать церковь Василиска?) – это разрешение платоновской антиномии Единого и Всеобщего. Нет двух одинаковых куполов – ни по цвету, ни по форме, ни по взаимному расположению. Каждый подтверждает идею единства в многообразии, а многообразие – в единстве; каждый – математическое подтверждение тождества формы и содержания.

В нем – воплощение тайны розенкрейцеров; в нем – решение проблемы алхимиков; в нем – квадрат, вписанный в круг; в нем – удвоенный куб; в нем – вечное движение в неподвижном камне; в нем устойчивая изменчивость и изменчивая устойчивость; в нем – краеугольный камень-Христос, заложенный Гермесом, и печать Хирама-Абифа, венчающая храм.

В ночь июльского полнолуния я не могу оторваться от лицезрения вечного и предельного в своей яркости Северного Сияния, ледяной мечты, возникшей предо мной, и вдруг звук раскалывает тишину: непередаваемая, ни с чем не сравнимая красота звона московских колоколов! В настоящий момент в мире нет таких колоколов, которые могли бы сравниться с московскими. Они действительно поют. Это не жалкое подобие мотива и не пошлая в своей беспомощности имитация, а настоящая живая музыка со своей мелодией, столь же прекрасной, как сам город. В гармонии с чудом архитектуры они воспроизводят его и доводят до совершенства; меньшие колокола отвечают самому большому, подобно нимфам, ласкающим Вакха.

Изумительные, непередаваемые ощущения, доводящие до исступления: единое становится частью (той особой частью, которая и есть целое) хорового колосса. Нет больше пределов: время, пространство, условности эго вместе с самим эго исчезают в бездне вечности, в том неделимом и вневременном моменте, называемом Вселенной.

II

Внутри церквей – бесконечно расточительная роскошь золота. Все они, за

исключением Храма Спасителя, – безнравственного в своей европеизированности, настолько непропорциональны в соотношении высоты и ширины, что в какой-то момент ощущаешь себя в камере пыток некоего садистского божка. Выше и выше, исчезая из поля зрения, простираются ужасающие фрески – драконы и змеи, пожирающие святых; боги, с бородами, как у попов; бесы, вооруженные стрелами и копьями, как степные кочевники, которых так сильно боялись когда-то предки москвичей. Взгляд теряется в этих темных раках, так и не достигнув шпиля божественного инструмента, который начинается от изгиба, впрочем, очень небольшого, крыши. По обычаю тех времен из-за суровых зим окна в церквях было принято делать очень маленькими. К сожалению, Иван Грозный ничего не знал о «центральном отоплении». В результате создается неприятно-отталкивающее впечатление: пустота разбивает и «съедает» форму, делая здание похожим на магическую пасть бездны с золотыми клыками, бездны, засасывающей и истребляющей душу.

В искусстве фресок нет ничего оригинального – оно очень напоминает примитивизм. Нескончаемый поток золота, золото на золоте, подчеркивает в высшей степени варварское равнодушие к закону равновесия. Только лица, кисти и ступни фигур, изображенных на иконах, остаются открытыми; покровы, изготовленные из золота или позолоченного серебра и обильно «расшитые» жемчугом и прочими драгоценными камнями, заполняют собой все оставшееся полотно. Лица и руки видны нечетко, и дело тут не в плохом освещении. В первый момент эти «бреши» в окладах вызывают неприятное ощущение, но уже через секунду все критические замечания забываются и уступают место искреннему восхищению. Целое захватывает тебя, и все остальное уже не важно. Создается ощущение непосредственного присутствия высших сил, к которым обращена молитва. Весь культурный хлам выброшен за борт. Реальность, изначальная реальность, подчинившая себе все каноны, сопровождает и подавляет тебя. Здесь же саркофаги ста Царей: слегка покрытая бронзой красная медь, имена и даты набраны высоким рельефом – простейшим для святой Руси орнаментом. Над саркофагом Романовых – восхитительный балдахин, расшитый золотом. Вдоль одной из стен – множество знамен и иконы в золотых окладах. И, конечно же (а как же иначе – ведь это его церковь), святилище Архангела Михаила – могущественного и внушающего ужас воина, убивающего змея. Пол сделан из пурпурного порфира; плиты грубые и неровные – над ними не трудились руки каменотесов, но ноги миллионов паломников тщательно отполировали их за столетия.

Войдем в церковь Успения. Здесь мы увидим фреску, изображающую деяния Ионы, от изгнания вплоть до проповедей в Ниневию. Минувя коридор, мы попадаем в тускло освещенное святилище с картинами, на которых прорисованы малейшие детали, впрочем, совершенно незаметные в слабом свете свечи – именно здесь начинаешь понимать вечную истину, что невидимые детали отнюдь не являются препятствием к пониманию картины. Далее в мрачном помещении стоит сделанный из золота и серебра ковчег с наполовину сдвинутой крышкой – чтобы каждый мог увидеть хранящиеся в нем древние кости святых, благочестиво украшенные золотыми нитями.

Во всех помещениях великое множество народа (в основном это женщины, хотя есть среди них и мужчины): павшие ниц, они бесконечно осеняют себя крестным знаменем и целуют одну за другой оправы мощей, подтверждая тем самым редкую жизнеспособность этой «мумифицированной» веры, веры, которая, по словам Элифаса Леви, после Фотия не вдохновила уже ничего красноречия. Священники – самое презируемое в народе сословие; культ связывает веру по рукам и ногам массой формальностей в сто раз более жестких, чем римские: и тем не менее, в ней искрится и переливается бьющая через край жизнь. И снова борьба противоположностей, которую можно определить одной фразой, ставшей неотъемлемым и непреложным канонем филологии: «*lucus a non lucendo*»¹.

Весь секрет заключается в русском человеке как таковом: он прирожденный святой и мученик, непревзойденный психолог. Подавляющее большинство людей уверены, что даже самый обыкновенный русский человек рассматривает половой акт как серьезный научный эксперимент, предельно серьезно изучая в малейших деталях возможность баланса и личной

совместимости, никогда не проявляя энтузиазма, пока того не предпишет сценическая ремарка. Этот принцип переносится и в религию. Русские люди крестятся только тогда, когда испытывают желание перекреститься, падая ниц по совершенно непонятному для постороннего взгляда поводу. Создается впечатление, что каждый выполняет свой собственный обряд, не имеющий ничего общего с действиями соседа. Задача каждого – ввести себя в состояние религиозного экстаза: только достигнув его, ты вправе сказать, что был в церкви.

Для русских страдание – это то, что можно наблюдать, но не чувствовать. Они рассматривают тяжелые испытания, выпавшие на их долю, как некий эксперимент Бога над человеком и принимают их, полагая при этом, что высшая цель оправдывает любые средства. Отсюда тоскливо-ожидательное выражение их по-собачьи преданных глаз и красота бледных щек. Отсюда особый склад ума, способного найти радость в печали и печаль в радости. Отсюда способность к долгому страданию, соседствующая с неистовой свирепостью, нежность, граничащая с жестокостью. Великий Разум находит свое воплощение в стремлении к крайностям. Это – философия китайского Даосизма на практике, и в то же время – антитезис идее возможности достигнуть всего, не делая ничего.

III

Русский во время молитвы и русский во время пьяного дебоша – одинаково поучительное зрелище. Он пьет, чтобы стать пьяным, в душевных муках осознавая, подобно Будде, ограниченность жизни, – различие лишь в том, что один видит печаль в переменах, а другой стремится к переменам как лекарству от печали. В конечном счете, его веселье – это скрытое стремление к смерти или, по крайней мере, безумию. Он постоянно борется со своим извечным врагом – жизнью, стремясь к достижению состояния, в котором ее условности уже не вызывают страха и прочих сильных эмоций.

На наш высокомерный взгляд просвещенных европейцев, этот «метод» по-детски наивен: но не будем забывать, что, в то время как Европа прошла огонь и воду эпохи Возрождения и сотни других не менее значительных периодов, Россия – непостижимое исключение – оставалась «молчащим источником, запечатанным фонтаном». Так или иначе, все наши наслаждения имеют под собой физиологическую основу: человеку, получающему удовольствие от бараньей котлеты, незачем завидовать тому, кого не соблазняют приторно-тошнотворные лакомства. Для России это изначально-неотъемлемая вещь: даже ошибки (не важно, в искусстве или в жизни) становятся достоинствами, добавляя ей очарования. Двадцатилетняя дикарка прелестна, несмотря на черные зубы, исколотое татуировками лицо и украшение из рыбьей кости в носу; тогда как цивилизованная Европа скорее напоминает старую каргу, одетую от Пуаре.

Все это Москва, сердце святой Руси, увенчанная Кремлем как драгоценной короной: ее невозможно сравнить ни с Варшавой, переполненной гнусными евреями и римскими католиками, ни с Петербургом, производящим отталкивающее впечатление своим постоянным фальшиво-парижским налетом. Даже в своих лучших проявлениях Париж не выдерживает никакой критики: если этот город – не ваш в самом особом смысле, необходимо возвращаться в обществе людей искусства, чтобы избежать коммерческой суеты Монмартра, разбитых бульваров и кричащей безвкусицы второсортных памятников. К сожалению, худшие элементы России впитали в себя худшие элементы Парижа:

Whose manners still our tardy apish nation
Limps after in base imitation.
(Чьи манеры запоздало по-обезьяньи копирует наша нация.)
Париж – это Цирцея, превращающая русских в свиней.

С политической точки зрения, влияние Руссо привело к плачевным последствиям. Идея «общественного договора» настолько же нелепа в приложении к Азии, насколько нелеп

сюртук и бледно-лиловые брюки на темно-желтых телах самураев. Пушкин, названный великим российским поэтом, – не что иное, как слабое эхо Байрона. В то время Россия открывала для себя Европу; но, открыв, на этом и остановилась. Мы должны не любить в русской литературе как раз то, что нам больше всего нравится (хотя вполне понятно, что стремление к знакомым вещам – это естественное человеческое чувство). Не западным декором Толстого мы должны восхищаться. Его абсолютно безумные идеи о бедности, воздержании и непротивлении – вот истинное выражение русского духа. Однако там, где в эти мысли вплетаются рассуждения о нации, они тут же «офранцуживаются», а их возвышенно-безумная идея о целомудрии вырождается в неомальтузианство, настолько же малодушное в теории, насколько отвратительное на практике.

Подлинный русский говорит: «Дайте Богу быть истиной, а каждому человеку – лжецом». Это говорит голос его духовного опыта, и этот голос не заботится об условностях. «Если твоя рука грешит против тебя – отруби ее», – сказал Иисус, и немедленно в России появилась секта, столь же безгрешная, сколь и галлы, стриженные священнослужители Кибелы, собратья-мученики Атиса. Однако речь не идет об «интересах общества» и прочих подобных вещах. В «Маске Анархии» Шелли предвосхищает идею непротивления Толстого, представляя план кампании, основной тактический принцип которой – позволить противнику почти полностью уничтожить войско ударами артиллерии, с тем чтобы оставшиеся имели возможность побрататься с вражескими артиллеристами. Что ж, в целом это совершенно практический план.

И если бы не мое решение забыть о политике в данном эссе, можно было бы привести в качестве доказательства множество подобных примеров.

Собор Василия Блаженного безусловно является лучшим из всех храмов. Его сходство с ними и в то же время несомненное отличие бросаются в глаза; абсолютные нарушения в деталях не мешают довести до предела единство формы. Иван Грозный приказал выколоть глаза зодчим, воздвигнувшим храм, чтобы они не смогли создать подобного шедевра для другого владыки.

Удивительно, насколько слова не способны воплотить видение! Даже поэзия может передать только впечатление, но ни в коем случае не его источник.

Вот фронтальный вид на собор Василия Блаженного.

С левого края, в глубине, колонна на открытых арках, завершающаяся шпилем с окнами; далее невысокий серый фаллос, купол с серыми полосами на зелёном фоне, снабжённый остриями в виде красных пирамид. Далее высокий фаллос, колонна, выполненная в красном и сером тонах, на купол нанесены оранжевые и зелёные полосы, закрученные в спираль; под ним ютится другой фаллос, его купол опоясан плоскими ромбами красного и зелёного цвета.

Затем следующий, величественный, с ровными красно-зелёными полосами. Теперь приближаемся к главному шпилю, украшенному зелёным, красным и неаполитанским жёлтым. По форме он весьма напоминает винную бутылку, с расположенными под ней множеством ложных арок. Его купол золотой. Далее серая колонна, поддерживающая купол, зарешеченный жёлто-зелёными ромбовидными шипами. Наконец, приближаемся к роскошному шпилю, украшенному ложными арками, на его купол по спирали нанесены красные и зелёные пирамидки. В нижней части он опоясан серым балконом. А над входом с серо-зелёными ступенями, сработанным в ложнокитайском стиле, располагается колонна с красной, белой и зелёной насечками.

Внутренние стены собора орнаментированы главным образом красными, белыми, зелёными и оранжевыми полосами, скомбинированными по-разному, а пространство украшено цветами в вазах. Вся композиция выполнена в стиле, чем-то напоминающем этапы развития постимпрессионизма.

А вот северная сторона. И она не дает ничего нового в вашем стремлении раскрыть секрет мастерства! Когда идешь вокруг нее – в данном случае в буквальном смысле, поскольку основание действительно круглое, без углов – новые башни появляются в поле

зрения, всегда фантастически разнообразные, никогда не позволяющие впечатлению от целого измениться ни на йоту.

«Земля принадлежит Богу, и полнота из этого», – и ещё: «в Нём ни непостоянства, ни тени превращения».